

Венди З. Голдман
Дональд Фильцер

библиотека
журнала

Крепость тёмная и суровая

ИСТОРИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЯ

неприкосновенный
запас

Советский тыл в годы Второй мировой войны

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Дональд Фильцер

**Крепость тёмная и суровая:
советский тыл в годы
Второй мировой войны**

«НЛО»

2021

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ББК 63.3(2)62ю14

Фильцер Д.

Крепость тёмная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны / Д. Фильцер — «НЛО», 2021 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-2308-7

Под историей Великой Отечественной войны обычно понимают историю боевых действий и подвигов солдат, сражавшихся на фронте. Однако одним из важнейших факторов, позволивших Красной армии сдержать наступление немецких войск и перейти в контрнаступление, были усилия многих людей и прежде всего женщин, подростков и пожилых людей, находившихся в те годы в тылу. Историки Венди Голдман и Дональд Фильцер в своей книге исследуют историю тотальной войны за линией фронта. Как государству удалось мобилизовать за столь короткий срок все свои ресурсы, включая труд? Эффективно ли была организована работа государственных органов, отвечавших за проведение экстренных инициатив? Какую роль в жизни тыла играли коррупция чиновников и черный рынок? И как людям удавалось пережить чудовищные лишения — голод, тяжелый труд и вспышки эпидемий? Опираясь на обширный корпус недавно обнародованных архивных документов, авторы рассматривают взаимоотношения, которые сложились между советским государством и обществом в этот драматический период — от немецкого вторжения, начала массовой эвакуации и до восстановления страны. Венди Голдман — почетный профессор Пола Меллона в Университете Карнеги-Меллона. Дональд Фильцер — заслуженный профессор Университета Восточного Лондона.

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ББК 63.3(2)62ю14

ISBN 978-5-4448-2308-7

© Фильцер Д., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

Благодарности	9
Перечень основных наркоматов военных лет	11
Переименованные города[1]	13
Введение	17
Глава 1	27
План эвакуации	30
Создание совета по эвакуации	32
Эвакуация и выжженная земля	34
Перед лицом опасности	36
Паника и смятение	39
Планирование, погрузка, отслеживание	44
Зерно, стада и пищевые комбинаты	47
Промышленная база: экстренная и плановая эвакуация	51
За Днестром: эвакуация угольной промышленности	53
Люди: эвакуация по категориям	56
Москва: эвакуация в двадцать четыре часа	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Венди З. Голдман, Дональд Фильцер
Крепость темная и суровая
Советский тыл в годы
Второй мировой войны

Редактор серии А. Куманьков

На обложке: Один из оборонных заводов на Урале, выпускающий снаряды для фронта.
© Александр Бродский/РИА Новости

© Oxford University Press, 2021
© Т. Пирусская, перевод с английского, 2023
© И. Дик, дизайн обложки, 2023
© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

*Всем, кто боролся с фашизмом в тылу и на фронте, в
лесах, лагерях и гетто, а также нашим отцам, Лоренсу Голдману и
Дэвиду Фильцеру, солдатам, посвящаем мы эту книгу и многолетний
исследовательский труд.*

Лоренс Голдман, рядовой первого класса, получает медаль «Пурпурное сердце» после гибели его транспортного судна в Тихом океане.

Дэвид Фильцер, военный хирург, лечивший бывших узников нацистских концлагерей.

Благодарности

Мы хотим выразить признательность многим людям и организациям, благодаря которым состоялась эта книга. В те годы, когда шла работа над исследованием, мы получали общую и индивидуальную поддержку от Американского совета научных обществ, кафедры истории Университета Карнеги – Меллона, Национального фонда гуманитарных наук и фонда *Wellcome Trust* (грант № WT087202MA). Мы чрезвычайно обязаны архивистам и сотрудникам архивов в России, особенно Нине Ивановне Абдулаевой, заведующей читальным залом № 1 Государственного архива РФ, на протяжении многих лет помогавшей нам в работе над разными проектами. Мы благодарим сотрудников Центральной научной медицинской библиотеки Первого МГМУ им. И. М. Сеченова (Москва), а также Сью Коллинз, старшего библиотекаря, и Барри Шлеса из отдела выдачи книг на дом Библиотеки Ханта при Университете Карнеги – Меллона. Их знания и профессионализм оказались бесценным подспорьем для нашей работы. Мы признательны Эду Серотте, директору архива *Centropa*, и Михал Фридман, указавшей нам на это обширное собрание устных рассказов и фотографий.

С нами делились своими соображениями, знаниями, материалами и находками многие из наших уважаемых коллег, в том числе Натали Бельски, Фран Бернштейн, Крис Бёртон, Линн Виола, Наум Кац, Катриона Келли, Мартин Краг, Ребекка Мэнли, Алексис Пери, Марк Харрисон, Донна Харш, Дэн Хили, Брэндон Шехтер, Чарльз Шоу, Питер Соломон, Кармин Сторелла, Рональд Суни... Сергей Карпенко, Алексей Киличенков и Игорь Курукин посвятили немало часов обсуждению разных аспектов войны и высказали оригинальные замечания, проливающие свет на российский контекст. Майкл Дэвид и Деннис Браун всегда с готовностью консультировали нас по вопросам, связанным с медициной и здоровьем. Анонимные рецензенты из издательства *Oxford University Press* уделили много времени чтению более ранней версии книги, и мы благодарим их за подробные и ценные комментарии. Таня Бакингом, креативный директор Лаборатории картографии Висконсинского университета, и Остин Дж. Новак подготовили прекрасные карты военных действий. Сюзан Фербер, редактор отдела исторической литературы *Oxford University Press*, внимательно проработала каждую страницу этого объемного текста, стараясь сделать книгу как можно лучше. Уже работавшая с нашими книгами Карен Андерсон, несмотря на чрезвычайно напряженные условия, выполнила, как всегда, безупречную редактуру. Мы от всей души благодарим их за работу.

Комментарии и обсуждения в ходе наших выступлений с докладами и ранними версиями книги на семинарах, круглых столах, лекциях и конференциях принесли нам огромную пользу. Вот лишь неполный перечень мероприятий и организаций, где нам удалось выступить: Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований; Европейская конференция по истории социальных наук; кафедра истории Аризонского университета; чтения в честь Э. П. Томпсона в Питтсбургском университете; лекции Элиу Роуза по новейшей военной истории в Центре Джордана при Нью-Йоркском университете; Японское общество по изучению истории России при Университете Аояма Гакуин (Токио); Международная культурологическая программа, Центр Востока и Запада при Гавайском университете в Маноа; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); Карлов университет (Прага); Дюссельдорфский университет имени Генриха Гейне; Университет Южной Алабамы; семинар по изучению России в Мичиганском университете; Центрально-Европейский университет в Будапеште; семинар «Система здравоохранения в России и Советском Союзе: сравнительный анализ» в Университетском колледже Дублина; Германский исторический институт в Лондоне; Институт истории науки Польской академии наук (Варшава); семинар по культурной и социальной истории России и Советского Союза в Оксфордском университете; коллоквиум «Медицина и здравоохранение в СССР и странах Восточного блока. 1945–1991» в Париже.

Благодарим издательство *Indiana University Press*, любезно разрешившее нам частично перепечатать материал главы «Не хлебом единым: пища, рабочие и государство» (*Not by Bread Alone: Food, Workers, and the State*) из книги «Голод и война: снабжение в Советском Союзе в годы Второй мировой войны» (*Goldman W. Z., Filtzer D. (eds.). Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II. Bloomington: Indiana University Press, 2015. P. 44–97*).

Особую благодарность мы выражаем нашим партнерам, Наташе Курашовой, оказавшей нам бесценную помощь с переводом и изо дня в день делившейся с нами ценными мыслями относительно социального и исторического контекста исследования, и Маркусу Редикеру, чьи энтузиазм и проницательный взгляд на многие политические, текстуальные и организационные аспекты работы неизменно выручали нас. Едва ли стоит говорить, что без их неослабевающего интереса, критических замечаний и горячей поддержки книга многое бы потеряла.

Перечень основных наркоматов военных лет

Главное управление трудовых резервов (ГУТР)
Народный комиссариат авиационной промышленности (Наркомавиапром)
Народный комиссариат автомобильной промышленности
Народный комиссариат боеприпасов
Народный комиссариат внутренних дел (НКВД)
Народный комиссариат водного транспорта
Народный комиссариат военно-морского флота
Народный комиссариат вооружения
Народный комиссариат государственного контроля
Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ)
Народный комиссариат заготовок
Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав)
Народный комиссариат земледелия (Наркомзем)
Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов
Народный комиссариат легкой промышленности (Наркомлегпром)
Народный комиссариат лесной промышленности (Наркомлес)
Народный комиссариат машиностроения (Наркоммаш)
Народный комиссариат минометного вооружения
Народный комиссариат морского флота
Народный комиссариат мясной и молочной промышленности
Народный комиссариат нефтяной промышленности
Народный комиссариат оборонной промышленности
Народный комиссариат обороны
Народный комиссариат пищевой промышленности
Народный комиссариат по строительству (Наркомстрой)
Народный комиссариат по строительству военных и военно-морских предприятий
Народный комиссариат по строительству предприятий тяжелой индустрии (Наркомтяж-
строй)
Народный комиссариат промышленности строительных материалов
Народный комиссариат путей сообщения (НКПС)
Народный комиссариат резиновой промышленности
Народный комиссариат речного флота
Народный комиссариат рыбной промышленности
Народный комиссариат связи (Наркомсвязь)
Народный комиссариат сельскохозяйственного машиностроения (Наркомсельмаш)
Народный комиссариат среднего машиностроения (Наркомсредмаш)
Народный комиссариат станкостроения
Народный комиссариат судостроительной промышленности
Народный комиссариат танковой промышленности (Наркомтанкпром)
Народный комиссариат текстильной промышленности
Народный комиссариат торговли (Наркомторг)
Народный комиссариат транспортного машиностроения
Народный комиссариат тяжелого машиностроения (Наркомтяжмаш)
Народный комиссариат угольной промышленности (Наркомуголь)
Народный комиссариат химической промышленности
Народный комиссариат цветной металлургии (Наркомцветмет)

Народный комиссариат целлюлозной и бумажной промышленности

Народный комиссариат черной металлургии (Наркомчермет)

Народный комиссариат электропромышленности (Наркомэлектропром)

Народный комиссариат электростанций

Народный комиссариат юстиции (Наркомюст)

Переименованные города¹

Ворошиловград (Луганск)
Горький (Нижний Новгород)
Калинин (Тверь)
Куйбышев (Самара)
Ленинград (Санкт-Петербург)
Молотов (Пермь)
Молотовск (Северодвинск)
Орджоникидзе (Владикавказ)
Свердловск (Екатеринбург)
Сталинград (Волгоград)
Сталино (Донецк)
Сталинск (Новокузнецк)
Чкалов (Оренбург)

Карта 1. Советский Союз, 1941–1945. Линия фронта в июне 1941 года – ноябре 1942 года

¹ Современное название указано в скобках.

Карта 2. Линия фронта. 22 июня – 5 декабря 1941 года

Карта 3. Линия фронта. 5 декабря 1941 года – 5 мая 1942 года

Карта 4. Линия фронта. 18 ноября 1942 года — декабрь 1944 года

Введение

Тотальная война

Под историей войны обычно понимают историю героев, сражавшихся на поле боя. Но эта книга рассказывает иную историю, не менее грандиозную: историю рабочих, крестьян, женщин, подростков и пожилых людей, составлявших советский тыл в годы Второй мировой войны. Усилия советских граждан по вооружению и снабжению Красной армии стали залогом победы союзников над нацистами².

Когда ранним утром 22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз, последний выбрал тактику тотальной войны: все ценные ресурсы, особенно труд, были мобилизованы на обеспечение фронта. Тотальная война дорого обошлась людям. Четырнадцатилетняя Раиса Смелая была эвакуирована в Казахстан, где она работала на военном заводе и одновременно училась в восьмом классе школы:

А нас они эвакуировали в Казахстан. Три сестры мамыны и четверо детей... все уехали в Казахстан и все дети умерли, я одна осталась... Я работала на военном заводе, делала «шишки» для снарядов... Уже работала, причем с 7 утра до 7 вечера, или же с 7 вечера до 7 утра. В литейном цехе. Настрадались мы очень... На мусоре я раз нашла лушпайки от картошки, принесла домой. Мама говорит: «Помой, сварятся». Потом я принесла куриные кишки и говорю: «Может, ты это помоешь?», но она этого не кушала, а лушпайки – съели. Потом отруби от пшена... Ужасно!.. Мне давали килограмм хлеба в день, а мама получала 300 грамм. Хлеб был как камень, сырой, черный. Но я получала килограмм хлеба. Потом дали кушать, так мама ходила туда на завод, брала какую-то похлебку, доливала воды, потом уже вдвоем мы эту похлебку ели... Четыре года голодовки. У меня дистрофия была... Пережили очень много³.

Во время войны государство по максимуму мобилизовало все свои огромные ресурсы. Промышленные предприятия, а с ними и миллионы людей были эвакуированы с запада на восток. Для гражданского населения была введена обязательная трудовая повинность, а все трудящиеся подчинялись военной дисциплине. Централизованным стало и распределение продуктов питания, осуществлявшееся по строгим правилам карточной системы. В этой книге – первом обширном, основанном на архивных материалах исследовании советского тыла – рассмотрены отношения между государством и обществом в период от вторжения до освобождения, от эвакуации до восстановления страны⁴. Сосредоточившись на крупных и промышлен-

² В английском языке существует термин *home front* («внутренний фронт»), впервые прозвучавший в начале Первой мировой войны в немецкой пропаганде. Он показывал, что государство осознает значимость усилий гражданского населения, направленных на помощь фронту. См.: Hagemann K., Schuler-Springorum S. (eds.). *Home/Front: The Military, War and Gender in Twentieth-Century Germany*. Oxford: Berg, 2002. P. 8.

³ Интервью с Раисой Смелой. Оригинальная запись на русском языке (публикуется с разрешения Centropa.org).

⁴ Ключевая монография о советском тыле: Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London; New York: Longman, 1991. Некоторые сборники эссе: Thurston R. W., Bonwetsch B. (eds.). *The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union*. Urbana: University of Illinois Press, 2000; Linz S. (ed.). *Impact of World War II on the Soviet Union*. Totowa, N. J.: Rowman & Allanheld, 1985; Stone D. (ed.). *The Soviet Union at War, 1941–1945*. Barnsley, UK: Pen and Sword Books, 2010. Существует ряд других важных исследований, посвященных отдельным аспектам жизни тыла, в частности эвакуации, культуре и пропаганде, а также блокадному Ленинграду. В настоящей работе рассмотрены трудности, сопряженные с эвакуацией в сельской местности, реакция колхозов на трудовую мобилизацию, их участие в восстановлении и отношение к беглецам, однако это далеко не полный обзор происходившего в сельском хозяйстве. Чтобы полноценно рассказать о крестьянстве и его роли в войне, потребовалась бы еще одна книга.

ных городах, мы постараемся показать, как государство мобилизовало людей из всех союзных республик для «тотальной войны» и как вели себя рядовые граждане во времена глубочайшего кризиса. Ведь между политикой государства и реакцией населения существовала неразрывная связь. Старания отдельных людей не вылились бы в коллективную силу без мобилизующего воздействия государства, а ни одна из масштабных государственных инициатив, в свою очередь, не имела бы успеха без усилий обычных людей. Рабочие разбирали заводское оборудование, в том числе на горнодобывающих и металлургических предприятиях, грузили его в товарные вагоны и вместе с заводами ехали на восток в сопровождении обширного конвоя. Люди жили и работали в тяжелейших условиях, особенно на востоке страны. Миллионы мобилизованных крестьян, студентов профтехучилищ и городских жителей трудились вдалеке от дома, жили в бараках и питались в столовых. Многие не перенесли тягот эвакуации. Меер Гольдштейн, офицер Красной армии, вспоминал, что его мать потеряла двух сестер: одна умерла в Янгиюле, другая в Свердловске:

Многие люди не смогли пережить эвакуацию на восток. Сестра моей матери Ита была вместе с ней в эвакуации в Янгиюле, и там она умерла от холода и голода... Для женщин эвакуация была чрезвычайно тяжелым испытанием. Они работали за себя, за своих братьев, за своих мужей и все отдавали солдатам. Они недоедали и недосыпали... Голда, младшая сестра моей матери, получила замечательное образование. До войны она была активной комсомолкой... В эвакуации она оказалась в Свердловске, простудилась и там умерла⁵.

Фабрики прекратили производство товаров широкого потребления и строительных материалов для гражданских нужд. Большая часть топлива шла на поддержание военной и оборонной промышленности. Люди жили и работали в нетопленых, а часто и темных помещениях. Городские водоканалы периодически останавливались из-за нехватки топлива, и тогда в бани, многоквартирные дома и другие постройки переставала поступать вода. Даже хлебозаводам – а хлеб составлял основу карточной системы – иногда приходилось закрываться, задерживая производство и выдачу хлеба, притом что ежедневная норма хлеба была главным, а порой и единственным источником пищи⁶. Военные историки часто отмечают ключевую роль работников тыла, помогших Красной армии в конце концов «сдержать натиск противника и перейти в наступление». По словам одного исследователя, «еще никогда от населения ни одной страны не требовали таких жертв». Так, несмотря на «колоссальные потери» оборудования в 1941–1942 годах, рабочим ценой невероятных усилий удалось восполнить его запасы к концу 1942 года⁷. Как гласил лозунг того времени, фронт и тыл превратились в «единый и нераздельный боевой лагерь». Это не просто громкая фраза. От немецких воздушных налетов и бомбардировок гибло множество людей даже в таких удаленных на восток городах, как Горький. Подобно солдатам, обычные люди не имели права уклоняться от мобилизации, бросать работу, опаздывать или покидать рабочее место без разрешения. Они не выбирали, куда их отправят. Изготовленное рабочими вооружение шло прямо на фронт, где часто сражались их родные. Молодая женщина писала из Молотова на фронт другу о подростке, работающем с ней на одном заводе:

⁵ Интервью с Меером Гольдштейном. Оригинальная запись на русском языке (публикуется с разрешения Centropa.org).

⁶ О жизни в промышленных центрах см. также: *Samuelson L.* Tankograd. The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk, 1900s – 1950s. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. Chs. 7, 8; *Holmes L.* War, Evacuation and the Exercise of Power: The Center, Periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952. Lanham, Md.: Lexington Books, 2012; *Stalin's World War II Evacuations: Triumph and Troubles in Kirov*. Lawrence: University Press of Kansas, 2017.

⁷ Цит. по: *Overy R.* Why the Allies Won. New York: W. W. Norton and Co., 1995. P. 188; о потерях и пополнении запасов см.: *Mawdsley E.* Thunder in the East: The Nazi – Soviet War 1941–1945. London: Bloomsbury, 2016. P. 47.

В 6 часов утра поднимаются они с постели и, запахнувшись в отцовский ватник, спешат – и в трескучий мороз, и в страшную вьюгу, по колено утопая в снегу, в дождь и осеннюю грязь – на далекий завод, чтобы стать у самого сложного станка. Глядя на него, трудно поверить, что ему 14–15 лет. Он подставляет два ящика, чтобы дотянуться до шпинделя станка; всем телом налегает на рукоятку, чтобы переключить скорость. Но видели бы вы, как он работает! Всем своим существом он как бы сливается с машиной и обгоняет ее. Он устает, очень устает. Но видел ли кто-нибудь его слезы? И он не может работать тише: ведь его снарядами брат и отец громят врага. Это не героика, это будни нашего тыла⁸.

Продукцию всех отраслей: металлы, топливо, транспорт, продовольствие и товары широкого потребления – либо отправляли на фронт, либо переформатировали под нужды обороны⁹. К тотальной войне страна начала готовиться в 1930-е годы, когда государство ограничивало потребление и постепенно ужесточало трудовое законодательство¹⁰. Советские люди, внимательно наблюдавшие, как набирает силу фашизм, осознавали вероятность войны.

На фоне стабильного ухудшения международных отношений Максим Литвинов, нарком иностранных дел, неоднократно говорил о необходимости «коллективной безопасности», предлагая Франции и Великобритании объединиться с СССР против германской агрессии. Ни Британия, ни Франция не хотели повторения ужасов Первой мировой войны и, полагая, что желания Адольфа Гитлера имеют пределы, отвергли предложения советской стороны в пользу политики умиротворения. По мере того как Гитлер продвигался на восток, Иосиф Сталин все больше боялся, что СССР «втянут в преждевременную войну без надежных союзников»¹¹. В августе 1939 года он согласился на предложение Гитлера и подписал десятилетний пакт о ненападении, известный как пакт Молотова – Риббентропа. Согласно прилагавшемуся к нему секретному протоколу, Германия должна была оккупировать Западную и Центральную Польшу, а Советскому Союзу доставались Восточная Польша и прибалтийские страны. Сталин надеялся, что пакт позволит его стране выиграть время и поможет создать буферную зону на случай, если Гитлер все же нападет на СССР. Он полагал, что оплатил западным странам, втайне рассчитывавшим, что Гитлер двинется на восток и уничтожит большевизм, той же монетой¹². Но Сталин ошибся. Когда Германия атаковала Польшу, Великобритания и Франция отказались от политики умиротворения и объявили Гитлеру войну.

Пакт оказался недолговечным. Сталин не знал, что уже в июле 1940 года Гитлер сообщил своим военачальникам, что собирается напасть на Советский Союз весной 1941 года. В декабре он подписал план операции «Барбаросса», где излагались детали предстоящего вторжения¹³. В марте 1941 года Гитлер призвал 250 офицеров в Берлин, где провел с ними беседу об особом характере грядущей войны¹⁴. Генриху Гимmlеру как рейхсфюреру СС были поручены

⁸ Тельпуховский В. Б. Героизм рабочего класса // Война и общество. 1941–1945 / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 12; также см.: Земсков В. Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Политическое просвещение. 2014. № 2 (79). С. 3. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?print=y&ID=3167&journal=160> (дата обращения: 29.01.2022).

⁹ Harrison M. Industry and Economy // Stone D. (ed.). The Soviet Union at War. P. 17.

¹⁰ Erickson J. The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany. New Haven: Yale University Press, 1975. P. 60.

¹¹ Glantz D., House J. When Titans Clash: How the Red Army Stopped Hitler. Lawrence: University Press of Kansas, 1995. P. 15–16.

¹² См. анализ разных точек зрения: Murphy D. What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa. New Haven: Yale University Press, 2005. P. xv–xx, 6, 173–187; Баранов В. П., Москаленко Н. М., Тимченко А. В., Чельшев Е. П. Великая Отечественная война, 1941–1945. М.: Мин. обороны РФ, 2012. Т. II. С. 242–301.

¹³ Bellamy C. Absolute War: Soviet Russia in the Second World War. New York: Alfred Knopf, 2007. P. 118–119, 126.

¹⁴ См. дневниковые записи Франца Гальдера: Fest J. Hitler. New York: Mariner Books, 2002. P. 649.

определенные задания на завоеванных территориях, и впоследствии он использовал айнцаг-группы полиции безопасности, в конечном счете уничтожившие миллионы мирных жителей, в том числе почти два миллиона советских евреев. Согласно изданному 13 мая приказу, советских политруков, партийных работников, военнопленных и штатских евреев, цыган и партизан надлежало передавать в руки СС или айнцаггрупп. Так называемый «приказ о комиссарах» от 6 июня предписывал немедленный расстрел всех коммунистов и политработников Красной армии¹⁵.

Нацисты видели в Советском Союзе богатый источник продовольствия, сырья и трудовых ресурсов для нового рейха¹⁶. Они намеревались искоренить большевизм, уничтожить советское государство и основать на востоке германскую империю¹⁷. Опыт Первой мировой войны убедил Гитлера, что Германия не добьется успеха, если не обеспечить продовольствием как армию, так и города¹⁸. Поэтому Герберт Бакке, горячий сторонник завоевания восточных территорий, разработал «План голода», предлагавший массовое истребление славян и евреев и уничтожение «бесполезных едоков»¹⁹. В докладной записке, составленной в мае 1941 года, говорилось: «1. Продолжать войну можно лишь в том случае, если на третий ее год удастся прокормить все силы вермахта за счет России. 2. В результате X миллионов людей, несомненно, умрут от голода». «X» пока был неизвестен. Вскоре лидеры нацистской партии, в частности Гиммлер и Геринг, уже называли цифру «от двадцати до тридцати миллионов». Предполагалось, например, что крупные города вымрут²⁰. Вермахт, позднее пытавшийся отрицать, что стремился к массовому истреблению и геноциду, с готовностью принял этот план²¹. В «Плане голода» отмечалось, что славяне перестанут быть «экологической помехой для развития сельского хозяйства» на востоке. Четырнадцать миллионов советских крестьян нацисты собирались обратить в рабство, немногочисленную группу – интегрировать в немецкое общество, а оставшиеся семьдесят миллионов – отправить в Советскую Арктику, где они в конце концов умрут от непосильного труда²². Высшее командование вооруженных сил предоставляло офицерам право на месте принимать решение о расстреле любого мирного жителя, обвиненного в преступлении, а также снабжало их инструкциями по проведению массовых карательных операций в городах и селах. Руководство, напечатанное для 3,6 миллиона солдат на Восточном фронте, призывало принимать «беспощадные и энергичные меры против большевистских агитаторов, партизан, саботажников, евреев» и «полностью подавлять любое активное или пассивное сопротивление». По сути, речь в инструкциях шла не о войне, а о массовом убийстве²³.

22 июня 1941 года Германия, задействовав такие мощные силы, какие еще никогда не были сосредоточены на одном театре военных действий, без предупреждения начала операцию «Барбаросса». Атака велась в трех направлениях: северном – на Ленинград, восточном – на

¹⁵ В мае 1942 года «приказ о комиссарах» был отменен; см.: *Burds J.* «Turncoats, Traitors, and Provocateurs»: Communist Collaborators, the German Occupation, and Stalin's NKVD, 1941–1943 // *East European Politics and Societies: and Cultures*. 2018. Vol. 32. № 3. P. 608, 616.

¹⁶ *Tooze A.* The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. New York: Viking Penguin, 2006. P. 462.

¹⁷ О подготовке вторжения см.: *Kay A. J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941. New York: Berghahn Books, 2006.

¹⁸ *Collingham L.* The Taste of War: World War Two and the Battle for Food. New York: Penguin Press, 2012. P. 18, 22, 25, 26.

¹⁹ *Ibid.* P. 32, 25.

²⁰ *Kay A. J.* Germany's Staatssekretare, Mass Starvation and the Meeting of 2 May 1941 // *Journal of Contemporary History*. 2006. Vol. 41. № 4. P. 685–689; *Tooze A.* Wages of Destruction. P. 479–480.

²¹ См.: *Kay A. J.* The Purpose of the Russian Campaign Is the Decimation of the Slavic Population by Thirty Million: The Radicalization of German Food Policy in Early 1941 // *Kay A. J., Rutherford J., Stahel D. (eds.). Nazi Policy on the Eastern Front, 1941: Total War, Genocide, and Radicalization*. Rochester, N. Y.: University of Rochester Press, 2012. P. 113.

²² *Collingham L.* The Taste of War. P. 33, 36, 37, 38, 39, 41, 42.

²³ *Römer F.* The Wehrmacht in the War of Ideologies: The Army and Hitler's Criminal Orders on the Eastern Front // *Kay A. J., Rutherford J., Stahel D. (eds.). Nazi Policy*. P. 73–100; *Browning C. R.* The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. P. 222–223.

Смоленск и Москву и южном – на Киев. Немецкий блицкриг с присущей ему спецификой: усиленными бомбардировками, быстрым наступлением танков и пехотой – перекинулся на территорию Советского Союза. Хотя советские граждане понимали, что вражеское вторжение – часть предстоящей борьбы с фашизмом, ни они, ни руководство страны, ни военное командование не отдавали себе полный отчет в том, какие бесчеловечные цели преследуют нацисты. В следующие месяцы Красная армия в беспорядке отступала, линия фронта смещалась, миллионы солдат были убиты, окружены и взяты в плен. К концу 1941 года немцы оккупировали Белоруссию, Прибалтику, Крым и почти всю Украину; они взяли в кольцо Ленинград, начав осаду, которой предстояло стать самой долгой в современной истории; они были на подступах к Москве.

Позднее, в речи на XX съезде партии в 1956 году Никита Хрущев обвинит в поражениях первых месяцев войны Сталина. Он объявит, что в ходе чисток 1937–1939 годов Сталин уничтожил офицерский состав, слепо доверял пакту, насаждал ложное убеждение, что война будет наступательной и будет происходить не на советской территории, игнорировал данные разведки о готовящемся нападении, отверг возможность упорядоченного отступления и не смог как следует подготовить страну к войне²⁴. Историки до сих пор ведут споры относительно этих обвинений и причин произошедшей катастрофы, однако все согласны в том, что к моменту нападения Советская армия была неудачно расположена, плохо обучена и экипирована, а понесенные потери стали страшным ударом для армии, экономики и советского народа²⁵.

Однако если на фронте решения правительства поначалу привели к неудачам, в тылу ему удалось действовать решительно и в целом эффективно. Резкая критика Хрущева, заявившего о неготовности СССР к войне, таким образом, не касалась внутренней политики, что побуждает переосмыслить все свидетельства военного времени. Государство быстро организовало активную деятельность существующих комиссариатов, советов и партии, комсомола и профсоюзов, запустив масштабный мобилизационный механизм, связывающий остальные регионы с Москвой. Историки, изучающие сталинские стратегии руководства страной в годы войны, подробнее всего останавливаются на Государственном комитете обороны (ГКО) – новом чрезвычайном органе управления, обладавшем всей полнотой военной, экономической и политической власти, тогда как другим организациям военных лет, исполнявшим указания ГКО, уделяется гораздо меньше внимания. В этой книге мы стремимся вернуть государство в социальную историю советского тыла, но не как абстрактный синоним власти, а как группу конкретных, действующих организаций. Народный комиссариат торговли, например, был перепрофилирован для развития и контроля новой карточной системы. Местные советы отвечали за трудовую

²⁴ См.: *Хрущев Н. С.* Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. 24–25 февраля 1956 г. URL: <http://www.agitclub.ru/spezhran/hruzev1.htm> (дата обращения: 27.04.2022). Критику поддержали некоторые генералы, возмущенные отказом Сталина разрешить отступление в боях, которые, как они считали, все равно невозможно было выиграть.

²⁵ Некоторые историки полагают, что поражения Красной армии в первые месяцы войны были обусловлены именно чистками; другие же не думают, что они повлияли на ситуацию решающим образом. Одни уверены, что Гитлер ввел Сталина в заблуждение, заставив его думать, что Германия сначала нападет на Великобританию; по мнению других, Сталин понимал, что вторжение неизбежно, но из всех сил стремился сохранять мир, чтобы лучше подготовить страну к войне. Кто-то указывает, что в 1941 году СССР производил больше вооружения, чем Германия, и видит причину поражений в неправильной тактике и плохой организации; иные же утверждают, что валовой продукт не отражает готовности страны к войне, ведь почти половина советских танков нуждалась в ремонте. О чистках см.: *Hill A.* The Red Army and the Second World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 76; *Mawdsley E.* Thunder in the East. P. xiv; *Reese R.* The Red Army and the Great Purges // Arch Getty J., Manning R. (eds.). Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 198–214; *Glantz D., House J.* When Titans Clash. P. 10–13. О предполагаемой попытке Гитлера ввести Сталина в заблуждение и о взглядах Сталина на Великобританию и Францию см.: *Murphy D.* What Stalin Knew. P. 173–180; *Bellamy C.* Absolute War. P. 145–146, 149, 150–162. О желании Сталина во что бы то ни стало поддерживать мир до 1942 года см.: *Glantz D., House J.* When Titans Clash. P. 26. Кристофер Беллами тоже отмечает, что Сталин из всех сил старался оттянуть войну до 1942 года, когда у страны будут танки, орудия и гранатометы. См.: *Bellamy C.* Absolute War. P. 116–117. О производстве боеприпасов см.: *Overy R.* Why the Allies Won. P. 324. О неподготовленности к войне см.: *Mawdsley E.* Thunder in the East. P. 27; *Hill A.* The Red Army and the Second World War. P. 202; *Erickson J.* The Road to Stalingrad. P. 66; *Glantz D., House J.* When Titans Clash. P. 27.

мобилизацию населения, а промышленные комиссариаты организовывали эвакуацию предприятий своей отрасли. Новую роль в военные годы приобрел и НКВД: сотни тысяч представителей разных национальных групп, заподозренных в нелояльности правительству или в коллаборационизме, были депортированы, заключенные были переброшены на строительство крупных военных объектов, а из депортированных были сформированы новые рабочие силы, получившие неофициальное название «трудовой армии». Наряду с существовавшими государственными органами партия и Совет народных комиссаров учредили новые крупные организации, наделенные неслыханными полномочиями. Не прошло и двух дней после нападения Германии, как был создан Совет по эвакуации, к осени 1942 года обеспечивший перевозку более чем 2400 промышленных предприятий, почти 8 миллионов животных и около 25 миллионов людей²⁶. Во многом именно благодаря его успешной работе, отчасти компенсировавшей поражения на фронте, страна смогла заново отстроить на востоке оборонную промышленность. Затем последовали аналогичные чрезвычайные распоряжения по трудовой мобилизации. Через восемь дней после начала войны государство учредило Комитет по распределению рабочей силы, в обязанности которого теперь входили оценка занятости в каждой республике и области, обеспечение промышленности трудовыми ресурсами и организация перемещения вновь мобилизованных в отдаленные регионы. Подобного трудового контроля не существовало прежде ни в Советском Союзе, ни в других странах ни в мирное, ни в военное время. Главное управление трудовых резервов и военкоматы отправили миллионы подростков и призывников, не годных к военной службе, в профтехучилища и на работу. Все работоспособное население в городе и деревне в обязательном порядке несло трудовую повинность. Поскольку вторжение германских войск привело в движение миллионы людей – эвакуированных, беженцев, новобранцев, депортированных и рабочих, – Народный комиссариат здравоохранения пытался остановить распространение тифа, дизентерии, туберкулеза, кори и других смертельных болезней, эпидемии которых вспыхивали в условиях переполненных поездов, железнодорожных станций и портов. На производстве руководители брали на себя обеспечение миллионов беженцев, эвакуированных и мобилизованных работников жильем, продуктами питания и одеждой, а также заботу об их детях и значительную часть репродуктивного труда – лежавших на женщинах домашних обязанностей. Мобилизованные и несвободные рабочие жили в наспех сколоченных бараках без кухонь, санузлов, отопления и водоснабжения. Семейная жизнь теперь была сосредоточена на рабочем месте. Когда поставки продовольствия начали сокращаться и возникла угроза голода, на смену домашнему очагу пришла общая кухня в столовой.

Осуществление многих направленных на мобилизацию инициатив серьезно замедлилось бы, если бы не поддержка и участие населения. Эвакуация полностью зависела от желания рабочих даже под бомбами разбирать, паковать и грузить в вагоны оборудование. После долгой утомительной дороги те же рабочие под открытым небом вновь собирали свои заводы. Сложнее оказалось с трудовой мобилизацией: под натиском войны многие бросали работу и старались уклониться от трудовой повинности. Но миллионы людей не покидали рабочие места даже в самых тяжелых условиях. Все больше людей страдало от голода, поэтому ученые и повара в столовых искали замены продуктам питания. Активисты из партии, комсомола, профсоюзов и местных советов создали множество добровольческих организаций, в том числе ополчение. Люди добровольно строили укрепления, высматривали вражеские самолеты и гасили на кры-

²⁶ Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–1942. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 27; ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 2. Д. 409. Л. 74–100; Куманев Г. А. Эвакуация населения СССР. Достиженные результаты и потери // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сборник статей. СПб.: Рус. – балт. инф. центр «Блиц», 1995. С. 145; Белоносков И. И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 // Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производственных сил СССР в 1941–1942 гг.: Сборник статей и воспоминаний / Под ред. Ю. А. Полякова, Г. А. Куманева, Н. П. Липатова, А. В. Митрофановой. М.: Наука, 1966. С. 15.

шах зажигательные бомбы, проверяли вес и количество выдаваемых по карточкам продуктов, собирали дрова и зелень. Хотя эти коллективные усилия не могли защитить население тыла от кошмара немецких бомбардировок и острой нехватки продовольствия, они помогали людям, охваченным паникой и отчаянием, внести существенный вклад в борьбу с нацизмом.

В книге «Крепость темная и суровая» война рассматривается с точки зрения государства и рядовых граждан. Опираясь на обширные, недавно обнародованные архивные документы, мы анализируем политику государства, препятствия, на которые она наталкивалась, и ее последствия: хаос и панику на фронте, нехватку товарных вагонов для эвакуации, вспышки эпидемий в пути, голод в тылу, распространение черного рынка и других нелегальных видов товарообмена, хищения, случаи ухода с рабочего места, массовую реакцию на пропаганду, использование принудительного труда и кризис системы организации труда. В ходе многочисленных проверок раскрывались шокирующие подробности, показывающие, какие страшные лишения переносили обычные люди. Кроме того, документы позволяют нам не ограничиваться предположениями о роли принудительного труда, а проследить, как трудовое законодательство влияло на повседневную жизнь. В них, помимо свидетельств очевидцев и воспоминаний, запечатлена обширная палитра настроений общества.

Война оставила в Советском Союзе и России глубокий след, очевидный по сей день. Советский Союз потерял больше населения – как в абсолютных цифрах, так и в пересчете на долю населения, – чем любая другая из воюющих стран: по разным оценкам, 26–27 миллионов, то есть около 13,5 % довоенного населения. «Безвозвратные потери» среди солдат Красной армии насчитывали более 8,6 миллиона человек, еще почти 3,4 миллиона пропали без вести или были взяты в плен. Многих военнопленных намеренно уморили голодом или убили в немецких лагерях; только 1,8 миллиона человек вернулись. Погибло около 19 миллионов мирных жителей: 8,5 миллиона от инфекций и голода, спровоцированного фашистами, в том числе между 700 000 и 1 миллионом в блокадном Ленинграде; от 6,4 миллиона до 11,3 миллиона человек было целенаправленно уничтожено, среди них почти 2 миллиона евреев; от 2,1 до 3 миллионов было отправлено в Германию на принудительные работы²⁷. Для сравнения: Соединенные Штаты потеряли 418 500 человек, или 0,32 % населения по состоянию на 1939 год; Великобритания и ее колонии – 450 700 человек, или 0,94 %; Франция – 567 000 человек, или 1,35 %. Потери стран «оси» крупнее, но все же несопоставимы с советскими: Япония потеряла 3,1 миллиона человек (3,67 %), Германия – между 6,6 и 8 миллионами (7,9 %) ²⁸. Почти для каждой советской семьи война обернулась либо гибелью кого-то из родных, либо другими страшными трагедиями.

Однако на Западе эта часть истории известна меньше, отчасти из-за последовавшей вскоре после победы холодной войны²⁹. Из речей политиков и из массмедиа постепенно ушли

²⁷ Цифры в разных источниках разнятся. Польша понесла небольшие потери на поле боя, но жертвы среди мирных жителей были огромны: численность населения резко снизилась по сравнению с довоенными показателями. Об общих потерях см.: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Людские потери СССР во Второй мировой войне. Методика оценки и результаты; о потерях среди гражданского населения см.: Филимошин М. В. Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны; о военных потерях см.: Кривошеев Г. Ф. Об итогах статистических исследований потерь вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне. – все в кн.: Людские потери СССР в период Второй мировой войны. С. 41–42, 127, 75; Ellman M., Maksudov S. Soviet Deaths in the Great Patriotic War: A Note // Europe – Asia Studies. 1994. Vol. 46. № 4. См. с. 671–672 об общих потерях, с. 674 о возвращении военнопленных, с. 676 о потерях среди мирного населения. См. также: Glantz D., House J. When Titans Clash. P. 292 – авторы оценивают невозвратные потери Красной армии значительно выше: более чем в 11 миллионов человек, из которых более 4,4 миллиона попали в плен или пропали без вести.

²⁸ By the Numbers: World Wide Deaths // National WWII Museum. URL: <http://www.nationalww2museum.org/learn/education/for-students/ww2-history/ww2-by-the-numbers/world-wide-deaths.html> (дата обращения: 27.04.2022); URL: https://en.wikipedia.org/wiki/World_War_II_casualties (дата обращения: 27.04.2022).

²⁹ Thompson E. P. Beyond the Frontier: The Politics of a Failed Mission, Bulgaria 1944. Stanford: Stanford University Press, 1997. P. 37.

упоминания о вкладе СССР в победу над фашизмом. Многие так и не узнали или забыли, что подавляющее большинство гитлеровских войск было сосредоточено на Восточном фронте. США и Великобритания открыли второй фронт в Европе только 6 июня 1944 года, когда Советский Союз уже понес огромные потери и его победа над нацистами почти не вызывала сомнений. Даже когда союзники высадились в Нормандии, две трети германской армии оставались на востоке. Как справедливо заметил историк Родрик Брейтвейт, «правда в том, что если бы [немцы] не сражались в России, то они были бы во Франции, и тогда не было бы и „Дня Д“»³⁰. Между тем в Советском Союзе, а затем в России поощряемый государством нарратив о войне приобретал все более героические черты и воспринимался как неоспоримый³¹. Если первоначально акцент был сделан на роли Сталина как Верховного главнокомандующего, то позднее в рассказах о Великой Отечественной войне на первый план вышли организаторские таланты коммунистической партии, а в постсоциалистическую эпоху – победа России и русского народа. Из популярных версий этого нарратива изглаживались все темы, способные бросить тень на героический миф о единстве нации, разом вставшей на защиту своей страны.

Если говорить о войне как проверке на лояльность советской власти, исследования оккупированных территорий показали, что многие крестьяне поначалу приветствовали приход немцев или, по крайней мере, старались приспособиться к ним, националистические группы активно участвовали в этническом геноциде, а некоторые члены партии, оставшиеся на оккупированных территориях, выразили готовность служить новому начальству. Сторонники так называемой школы сопротивления усматривают в пораженческих или прогерманских настроениях реакцию на жестокость сталинского режима, апеллируя к давнему тезису о моральной и политической равнозначности двух тоталитарных систем – нацизма и сталинизма³². Однако, занимаясь изучением советского тыла, мы обнаружили мало свидетельств прогерманских настроений или деятельности. На собраниях и в разговорах обыкновенные люди могли порой скептически относиться к поступающей от государства информации, но они проявляли неизменный интерес к происходящему на фронте и стремились внести свой вклад в общую борьбу. Те, кто больше всего выиграл от революции и политики советской власти в вопросах гендерного равноправия, труда, образования и развития промышленности, ощущали глубокую причастность к социалистическому проекту. Родственница Лазаря Кордунера, главного инженера Харьковского тракторного завода, позднее описывала его состояние после того, как Кордунер по приказу руководства вынужден был взорвать завод в связи с приближением немцев:

Он работал на строительстве завода с первого дня и испытывал горькие чувства, когда завод должен был быть взорван. Катя, его мать, всегда ждала его возвращения с завода и никогда не ложилась спать, пока он не возвращался домой. Когда немцы подошли совсем близко к Харькову, Лазарь получил приказ взорвать завод. Он пришел домой и буквально упал на Катю, заливаясь слезами. «Почему ты плачешь?», – спросила она его. Он ответил: «Мамка, я

³⁰ Брейтвейт Р. Москва 1941. Город и его люди на войне / Пер. Е. В. Смолиной, Ю. В. Фирсова. М.: Голден-Би, 2006.

³¹ Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York: Basic Books, 1994.

³² См., например: Enstad J. D. Soviet Russians under Nazi Occupation: Fragile Loyalties in World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2018; Berkhoff K. C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2004, особенно гл. 1 и 3, а также с. 285–300; Cohen L. R. Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. Rochester, N. Y.: University of Rochester Press, 2013; Solonari V. A Satellite Empire: Romanian Rule in Southwestern Ukraine, 1941–1944. Ithaca; London: Cornell University Press, 2019; Burds J. «Turncoats, Traitors, and Provocateurs». О сложном переплетении мотивов см. специальный выпуск *Slavic Review* (2016. Vol. 75. № 3), в том числе: David-Fox M. The People's War: Ordinary People and Regime Strategies in a World of Extremes. P. 551–559; Bernstein S. Rural Russia on the Edges of Authority: Bezvlastie in Wartime Riazan', November – December 1941. P. 560–582; McBride J. Peasants into Perpetrators: The OUN-UPA and the Ethnic Cleansing of Volhynia, 1943–1944. P. 630–654; Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton: Princeton University Press, 2002; Statiev A. The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. New York: Cambridge University Press, 2010.

три часа назад сделал то, что равносильно было б тому, что я убил бы Ленку [его дочь]»³³.

Некоторые историки утверждают, что для мобилизации советского населения государство широко применяло принудительный труд и репрессии, а солдатами и мирными жителями двигал в первую очередь страх. Другие возражают, что принуждением невозможно объяснить способность государства мобилизовать людей в таких тяжелых условиях и победу в войне. Конечно, заключенных заставляли трудиться на строительстве важных военных объектов и на производстве, а рабочие в суровых условиях военного времени были прикованы к своим местам строгим трудовым законодательством. Но, как увидят читатели из этой книги, государство обладало ограниченной способностью удерживать контроль посредством принуждения, а подавляющее большинство людей сами стремились содействовать победе. Некоторые рабочие сначала отказались разбирать и эвакуировать «свои» заводы, но гораздо больше тех, кто с риском для жизни обеспечивал эвакуацию. Некоторые уклонялись от обязательной мобилизации, но большинство не покидало рабочих мест, несмотря на отсутствие у прокуроров, заводской администрации или председателей колхозов возможности или желания применять к ним трудовое законодательство. Люди, участвовавшие в незаконном перераспределении и в хищениях, искажали установленную государством строгую иерархию продовольственных норм, но рядовые граждане протестовали против привилегий чиновников, а не против самой системы. Действия, вызванные паникой, эгоизмом или желанием выжить, не были обусловлены анти-советскими или профашистскими установками. Большинство историков согласны в том, что настроения общества, менявшиеся с течением времени и в значительной мере зависевшие от принадлежности к определенной социальной группе и национальности, от личного опыта и политических убеждений, не сводятся к простой оппозиции «за или против» советской власти, при этом свидетельства антисоветского сопротивления в тылу крайне немногочисленны³⁴.

Тыл развивался вместе с фронтом, и ведущую роль в этом развитии играли катастрофические территориальные потери Советского Союза, а затем освобождение оккупированных земель. В книге мы прослеживаем сокращение и расширение советского тыла от первых деморализующих отступлений Красной армии до победы под Сталинградом и ожесточенных боев за оккупированные территории. В работе мы придерживаемся как хронологического, так и тематического принципа, начиная с попыток в срочном порядке эвакуировать и организовать на новом месте людей и промышленность и заканчивая первыми усилиями, направленными на реинтеграцию вновь освобожденных территорий. Отдельные главы посвящены ключевым мерам военного времени: эвакуации, переселению, нормированию продовольствия, трудовой повинности, здравоохранению и пропаганде – и реакции населения, поддерживавшего, ограничивавшего или переосмысливавшего эти меры. По словам одного из ведущих историков экономики, в советском тылу произошло «производственное чудо военного времени»³⁵. Как государство и население добились этого чуда? Какие стратегии позволили стране выиграть войну

³³ Интервью с Ларисой Хусид. Оригинальная запись на русском языке (публикуется с разрешения Centropa.org).

³⁴ О принуждении как главном и определяющем факторе см.: *Budnitskii O.* The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–1942 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Society*. 2014. Vol. 15. № 4. P. 791; *Berkhoff K.* Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. Об ограниченной роли принуждения см.: *Reese R.* Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II. Lawrence: University of Kansas Press, 2011. P. 13, 25, 27, 173–175, 306; см. также прекрасную рецензию Роджера Марвика: *Stalinism at War* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Society*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 510. О поддержке социализма в среде рабочих см.: *Dzeniskevich A.* The Social and Political Situation in Leningrad during the First Months of the German Invasion: The Psychology of the Workers // *Thurston R. W., Bonwetsch B.* (eds.). The People's War. P. 79. Ричард Бидлак отмечает, что, несмотря на крайне неоднородные настроения в обществе, государству удалось связать войну с преданностью Сталину и партии: *Bidlack R.* Propaganda and Public Opinion // *Stone D.* (ed.). The Soviet Union at War. P. 64.

³⁵ *Harrison M.* Industry and Economy. P. 26.

и какие условия сложились благодаря этим стратегиям? Как реагировали люди и почему? Вот те вопросы, на которые мы пытались ответить в своей книге.

Глава 1

Паника, выжженная земля, эвакуация

Напряженнейшая работа в Совете по эвакуации длилась с июля 1941 г. до начала 1942 г. Работники аппарата буквально потеряли счет дням. Каждый советский человек, слушая сводку Информбюро, тяжело переживал сообщения об отступлении Красной Армии, о занятии врагом новых советских городов и сел. Эти были горькие и трудные дни. Мы должны были не оставлять врагу ничего.

Л. И. Погребной, уполномоченный Совета по эвакуации³⁶

В конце лета 1941 года, когда немецкие танковые части двигались к промышленному центру Днепропетровску, а Украину захлестнула волна ожесточенных сражений, Совет по эвакуации отправил туда своего представителя, чтобы помочь вывезти людей и оборудование. Когда 10 августа он прибыл на место, эвакуация шла полным ходом. Чиновники из разных промышленных комиссариатов, директора заводов и рабочие занимались разборкой и погрузкой оборудования и сырья металлургических и оборонных предприятий города. Рабочие и их семьи, входившие в организованный конвой, теснились в пассажирских и товарных вагонах. Сердце промышленности следовало на время остановить, чтобы оно снова забилося на востоке, за тысячи километров от города.

Все шло не так, как планировали. В Наркомате путей сообщения не смогли предоставить достаточное количество товарных вагонов для такой масштабной операции. Например, заводу имени Ворошилова (заводу № 79), выпускавшему снаряжение для армии, требовалось около двухсот вагонов в день, а получил он вдвое меньше. Погрузка происходила неравномерно. Вагоны, предназначенные для одного завода, стояли пустые, пока рабочие в спешке разбирали и паковали оборудование, а тем временем рабочие другого завода с нетерпением ждали возможности погрузить в вагоны уже привезенные на станцию ящики. 15 августа рабочие отчаянно разыскивали достаточно мощный для подъема 50-тонных прессов кран. На платформе сгрудились толпы людей, ожидающих эвакуации. На следующий день немцы разбомбили станцию. Люди с криком бросились врассыпную. Совет по эвакуации совместно с партийными работниками и членами местного совета наскоро разбили новую станцию на восточном берегу Днепра и переправили тысячи людей на другой конец города. Отказываясь поддаваться панике, рабочие стойко продолжали погрузку. Через девять дней немцы заняли Днепропетровск – теперь они контролировали как восточный, так и западный берег реки. Но дело было сделано: в период с 8 по 22 августа, за три дня до сдачи Днепропетровска, рабочие, трудившиеся сутки напролет, отправили 10 000 товарных вагонов, и более 200 000 людей покинуло город на поезде³⁷. После многих недель и тысяч километров пути рабочим предстояло сойти с поезда в мороз – в незнакомом городе и в чистом поле. Разгружая вагоны, они будут заново монтировать свои заводы там, где им не угрожают немецкие бомбы. Эвакуация Днепропетровска со всеми ее чертами: централизованным планированием, участием множества людей, надвигающейся опасностью и непредвиденными препятствиями – повторилась в бесчисленном множестве городов, оказавшихся в прифронтовой зоне.

³⁶ Погребной Л. И. О деятельности Совета по эвакуации // Эшелоны идут на восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: Сборник статей и воспоминаний / Отв. ред. Ю. А. Поляков, Г. А. Куманев, Н. П. Липатов, А. В. Митрофанова. М.: Наука, 1966. С. 205.

³⁷ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 439. Л. 20–19 (документ с обратной нумерацией).

Сама идея подобной эвакуации – беспрецедентное явление в истории войн и катастроф. На территории, оккупированной немцами в период с июня 1941 года по осень 1942-го, проживало 40 % довоенного населения Советского Союза и располагалось почти 32 000 предприятий, включая металлургические, машиностроительные, химические, деревообрабатывающие заводы, производство сельскохозяйственной техники, текстильные и бумажные фабрики, пищевые комбинаты, а также другие важные предприятия, шахты, нефтяные скважины, крупные электростанции³⁸. В совокупности на них приходилось 33 % промышленного производства СССР по состоянию на 1940 год³⁹. От этой промышленности впоследствии мало что осталось бы. К концу 1941 года государство утвердило план перемещения ключевых предприятий промышленного производства на восток. За вторую половину 1941 года было эвакуировано около 12 миллионов людей (к концу 1942 года – уже по меньшей мере 17 миллионов) и вывезено на восток 2593 предприятия⁴⁰. По подсчетам одного историка, удалось спасти 37 % производительных мощностей, располагавшихся на оккупированных территориях⁴¹.

У Совета по эвакуации, созданного через два дня после начала войны, почти не оставалось времени на решение проблем, с которыми он сталкивался. Эвакуации подлежали не только наиболее ценные объекты, но и самые уязвимые группы населения: дети, больные, старики. Эвакуировать необходимо было и огромное количество скота, зерна и сырья. Некоторые регионы эвакуировали задолго до прихода немцев, но у других времени на приготовления уже не было. Фронт приближался стремительно, и приходилось спешить. Рабочие Донецкого угольного бассейна (Донбасса) планировали разобрать генератор крупнейшей в регионе электростанции за семь суток, но осуществили демонтаж за десять часов⁴². Спешная эвакуация происходила зачастую под градом бомбардировок и смертоносного огня, среди оглушительных взрывов. Более того, государственные чиновники, в том числе ведавшие народным хозяйством, понимали, что эвакуация означает резкую остановку в производстве вооружения, которого так ждет армия. Машины, погруженные в вагоны, ничего производить не могли.

Отступление Красной армии сеяло панику среди администрации городов и сел, попавших в прифронтовую полосу. Что им делать с людьми, сельскохозяйственными животными, продовольствием и предприятиями при приближении врага? Среди беспорядка и сумятицы солдаты теряли связь со своими подразделениями, тысячи были убиты, ранены или попали в плен. Сталин и Генеральный штаб не могли получить актуальную, достоверную информацию. Местные ответственные работники толком не знали, что делать и даже к кому обращаться. Где сейчас фронт и где он окажется через несколько недель, дней, часов? В сельской местности и маленьких городах вдали от железных дорог у людей не было возможности уехать. Всех, кто останется, особенно евреев и цыган, немцы умертвят в первые же дни или недели оккупации.

В страшные летние и осенние месяцы 1941 года Совет по эвакуации при поддержке десятков тысяч рабочих, железнодорожных войск, членов местного совета, партийных работников

³⁸ Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 // Новая и новейшая история. 2006. № 6. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/EVACO.HTM> (дата обращения: 27.04.2022).

³⁹ Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 97.

⁴⁰ Цифры приведены по: Куманев Г. А. Война и эвакуация. Куманев утверждает, что количество эвакуированных предприятий было значительно больше, потому что об эвакуации многих из них не осталось официальных документов. См. также: Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–1942. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. С. 13. По подсчетам авторов, к концу 1941 года было эвакуировано 10 миллионов человек. О разных оценках числа эвакуированных см. прим. 1 на с. 119 наст. изд.

⁴¹ Об оценке стоимости см.: Harrison M. The Second World War // Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G. (eds.). The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 253; Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 27; ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 2. Д. 409. Л. 74–100; Белоносов И. И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 // Эшелоны идут на восток. С. 15. Цифры относятся к промышленным предприятиям, вывезенным по железной дороге во второй половине 1941 года.

⁴² Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 68.

и заводской администрации пытался спасти как можно больше промышленных и сельскохозяйственных предприятий⁴³. Эвакуация продолжалась более восемнадцати месяцев и происходила в два этапа. Первый начался сразу после начала войны, а закончился в декабре 1941 года, пик его пришелся на период с июля по ноябрь. Второй, более короткий этап относится к лету и осени 1942 года⁴⁴. В странах Прибалтики, оккупированных в числе первых, удалось спасти лишь небольшое количество людей и предприятий. В Белоруссии приближение немцев замедлили яростные бои, и эвакуация велась с июня и до конца августа, завершившись только в сентябре, когда вся республика была захвачена врагом. Из Ленинграда и его окрестностей Совет по эвакуации начал высылать людей и машины в июле, но в сентябре немцы взяли город в кольцо, преградив путь. В конце осени, как только лед Ладожского озера достаточно окреп, чтобы выдержать вес грузовиков и запряженных лошадьми повозок, Совет по эвакуации возобновил попытки эвакуировать голодающее население⁴⁵. В Украине эвакуация началась в июле и велась бешеными темпами до середины октября: правый (западный) берег Днепра эвакуировали в июле и августе, левый – с августа по октябрь. В Западной, Центральной и Южной России Совет по эвакуации осуществил частичную плановую эвакуацию в июле и августе, а позднее, когда линия фронта приблизилась, предпринял более масштабные попытки, длившиеся с сентября по ноябрь. В Москве массовая эвакуация началась в середине октября, когда немцы оказались на подступах к столице, и до середины декабря рабочие продолжали демонтаж заводов. Менее масштабная эвакуация, проходившая с середины мая по октябрь 1942 года, была обусловлена потерей новых территорий, захваченных приближающимися к Сталинграду немцами⁴⁶. Хотя в конечном счете эвакуация во многом способствовала победе Советского Союза, когда она только началась, многое зависело от непредвиденных обстоятельств и вызывало вопросы⁴⁷. Далеко ли удастся продвинуться немцам? Сколько людей, сколько промышленных и сельскохозяйственных предприятий потребуется спасти? Масштаб задачи был неясен.

⁴³ Некоторые работы западных исследователей: *Lieberman S. R.* Crisis Management in the USSR: The Wartime System of Administration and Control // *Linz S.* (ed.). *The Impact of World War II on the Soviet Union*. Totowa, N. J.: Rowman & Allanheld, 1985. P. 59–76; *Harrison M.* *Soviet Planning in Peace and War 1938–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; *Argenbright R.* *Space of Survival: The Soviet Evacuation of Industry and Population in 1941* // *Smith J.* (ed.). *Beyond the Limits: The Concept of Space and Time in Russian History and Culture*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1999; *Manley R.* *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca: Cornell University Press, 2009; *Holmes L.* *War, Evacuation, and the Exercise of Power: The Center, Periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952*. Lanham, Md.: Lexington Books, 2012; *Stalin's World War II Evacuations: Triumph and Troubles in Kirov*. Lawrence: University Press of Kansas, 2017.

⁴⁴ Эшелоны идут на восток. С. 7–9.

⁴⁵ Эшелоны идут на восток. С. 8.

⁴⁶ Там же. С. 7–9.

⁴⁷ *Barber J., Harrison M.* *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London; New York: Longman, 1991. P. 132.

План эвакуации

Во многих республиках и областях накануне войны существовали приблизительные планы эвакуации, но они безнадежно устарели. Наркоматы промышленности сформировали планы эвакуации своих отраслей в 1928 году. В 1934 году администрации областей и республик было поручено доработать имеющиеся планы, а пять лет спустя правительственная Военно-промышленная комиссия начала подготовку дополнительных планов⁴⁸. В апреле 1941 года руководство страны учредило специальную Комиссию по эвакуации для жителей Москвы. Комиссия, возглавляемая В. П. Прониным, председателем Моссовета, представила проект плана 3 июня, менее чем за три недели до начала войны. Однако власти его не утвердили. Реакция Сталина на предложение Пронина была, как утверждает, следующей:

Т-шу Пронину.

Ваше предложение о «частичной» эвакуации населения Москвы в «военное время» считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию – ЦК и СНК уведомят Вас⁴⁹.

Пронин советовался со многими ответственными и партийными работниками, равно как и с представителями заводской администрации, вызвав много «разговоров» о вероятности немецкого вторжения и сдачи Москвы, но Сталин, стремившийся не допустить ни провокации немцев, ни распространения паники, явно счел, что от этой инициативы больше вреда, чем пользы. В день начала войны общенациональный проект плана, предусматривавшего эвакуацию заводов, учреждений, людей и имущества, по-прежнему ожидал санкции правительства⁵⁰. Позднее один российский историк заметил об эвакуации: «Все это пришлось решать уже в ходе начавшейся войны, зачастую в спешке, а порой и без учета конкретной обстановки, что не могло не иметь отрицательных последствий»⁵¹.

Однако еще важнее ошибочных расчетов Сталина оказалось то обстоятельство, что в условиях тыла планы, составленные в мирное время, не работали. Эвакуировать территории, находившиеся вне опасности, не имело смысла, и главной задачей Совета по эвакуации с началом войны стала координация множества потоков эвакуации вдоль тысячекилометровой, стремительно отодвигающейся линии фронта в сжатые сроки и при ограниченном количестве транспорта. Довоенные планы, предполагавшие эвакуацию конкретной области, города или отрасли, уже все равно не имели практической ценности. Как объяснил один ответственный работник Совету по эвакуации в августе, когда к эвакуации уже активно готовились, довоенные планы не отвечали обстоятельствам и требованиям военного времени⁵². Дубровин признавал, что никто не ожидал потери таких огромных территорий в столь короткие сроки: «Конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали»⁵³. Но если бы даже руководство страны предвидело военную катастрофу, вопрос заключался не в том, как эвакуировать отдельно взятое предприятие или регион – с этой задачей Совет по эвакуации разобрался быстро, – а в том, как организовать и скоординировать эвакуацию вдоль обширной, стремительно смещающейся прифронтовой полосы. Из переписки между членами Совета по эвакуации и Наркоматом путей

⁴⁸ Куманев Г. А. Война и эвакуация, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 8518. Оп. 27. Д. 244; Оп. 23. Д. 224; Оп. 25. Д. 120.

⁴⁹ Куманев Г. А. Война и эвакуация. С. 9.

⁵⁰ Там же; Manley R. To the Tashkent Station. P. 18–24.

⁵¹ Куманев Г. А. Война и эвакуация. С. 9.

⁵² ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 502. Л. 89.

⁵³ Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелоном // Эшелоны идут на восток. С. 205, 208.

сообщения видно, что их внимание было сосредоточено на доступных маршрутах, пассажирских и товарных поездах, пунктах назначения и ограничениях транспортного потока на конкретных станциях и путях, то есть проблемах, решение которых нельзя было предусмотреть.

Первые усилия по эвакуации стали ответом на чрезвычайные обстоятельства – вторжение врага. П. К. Пономаренко, секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии, позвонил Сталину на следующий день после начала войны, чтобы попросить разрешения на эвакуацию республики. Позднее Пономаренко вспоминал: «Он [Сталин] удивился и спросил: „Вы думаете это надо делать? Не рано ли?“»⁵⁴ У Сталина все еще оставались сомнения относительно наступления немцев, но Пономаренко понимал, что западные области Белоруссии уже потеряны и надо срочно предпринимать шаги по эвакуации Минска и восточных областей. На севере немцы планировали занять латвийский город Лиепая в ходе первой же атаки, но встретили яростное сопротивление. ЦК КП Латвии и правительство безотлагательно составили план спасения уже не промышленности, а только людей и начали эвакуировать жителей Лиепай, Риги, Даугавпилса и Елгавы. Их первой заботой было обезопасить от воздушных налетов детей и стариков: за сутки 115 000 человек по железной дороге и шоссе вывезли на северо-восток, в сельскую местность. Затем следовало отправить в Россию членов местных советов, военных и работников НКВД. Позднее в прифронтовых зонах использовали многие элементы латвийского опыта, включая организацию эшелонов, рабочей охраны, а также медпунктов и полевых кухонь на железнодорожных путях⁵⁵. Администрации удалось отправить многочисленные вагоны, набитые рабочими, металлом, оборудованием и продовольствием, прежде чем 29 июня пала Лиепая, тремя днями позже – Рига, а 10 июля – вся республика⁵⁶. К тому времени латвийские власти уже действовали не в одиночку и уже успели отправить недавно сформированному Совету по эвакуации множество отчетов.

⁵⁴ Куманев Г. А. Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сборник статей / Отв. ред. Н. А. Араловец, О. М. Вербицкая, В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков, А. И. Репинский. СПб.: Рус. – балт. информац. центр «Блиц», 1995. С. 142.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 43. Л. 21–19 (документ с обратной нумерацией). Дорожные расходы брало на себя государство. Каждому эвакуированному планировалось выдать зарплату за месяц вперед и разрешить взять с собой до 30 килограммов багажа.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 409. Л. 3–4.

Создание совета по эвакуации

24 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и Совнарком очень кратким постановлением под грифом «строго секретно» учредили Совет по эвакуации «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей»⁵⁷. Советское руководство надеялось, что врага удастся быстро отбить, и еще не думало о перемещении промышленности на восток. Только 16 августа, когда эвакуация была уже в полном разгаре, партия и правительство все же приняли смелое решение перестроить экономику и создать новую производственную базу в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири, Казахстане и Центральной Азии⁵⁸. Был утвержден соответствующий план, охватывающий последний квартал 1941-го и весь 1942 год, потому что, как позднее уклончиво заметил Н. А. Вознесенский, председатель Госплана, прежнего плана все же было недостаточно, чтобы противостоять растущей военной угрозе⁵⁹. Иными словами, при составлении прежнего плана никто не мог подумать, что к июлю страна потеряет такие огромные территории.

В Совет по эвакуации назначили восемь членов правительства и видных партийных деятелей, в том числе Л. М. Кагановича, наркома путей сообщения, А. Н. Косыгина, заместителя председателя Совета народных комиссаров, Н. М. Шверника, председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР, и Б. М. Шапошникова, начальника Генерального штаба Красной армии и заместителя наркома обороны. На следующей неделе к ним присоединились А. И. Микоян, нарком внешней торговли, Л. П. Берия, глава НКВД и член Государственного комитета обороны (ГКО), высшего органа военного времени, и М. Г. Первухин, заместитель председателя Совнаркома и нарком химической промышленности. С течением времени структура Совета по эвакуации слегка изменилась – его возглавил Шверник, – но он сохранил связь с железными дорогами, ГКО, СНК, профсоюзами, наркоматами и НКВД⁶⁰. Члены совета собирались часто – по меньшей мере еженедельно, а порой и ежедневно. Они распределяли между собой задачи, связанные с крупными операциями, а затем, в свою очередь, готовили планы и проекты постановлений, чтобы в намеченный срок утвердить их совместно или в соответствующем правительственном органе⁶¹.

Совет по эвакуации, небольшой, динамичный орган, наделенный значительными полномочиями, опирался на местные советы, учреждения и хозяйственные наркоматы, помогавшие претворять в жизнь принятые им решения⁶². Заместители наркомов угольной промышленности, черной металлургии и тяжелого машиностроения выступали уполномоченными Совета по эвакуации, назначали в своих наркоматов до пяти человек для разработки планов эвакуации и отправляли собственных уполномоченных контролировать демонтаж и перемещение предприятий. Председатели местных парткомов отвечали за жилье, строительство, участки и питание в пунктах назначения⁶³. В критические моменты Совет по эвакуации отправлял на крупные железнодорожные станции и в порты собственных посредников и представителей.

⁵⁷ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании Совета по эвакуации» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201; Погребной Л. И. О деятельности. С. 202.

⁵⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М.: Политиздат, 1968. С. 45.

⁵⁹ *Voznesensky N. A. Soviet Economy during the Second World War*. New York: International Publishers, 1949. P. 35.

⁶⁰ В Совет вошли также С. Н. Круглов, П. С. Попков, Н. Ф. Дубровин и А. Н. Кирпичников. См.: О создании Совета по эвакуации. С. 201.

⁶¹ Протоколы собраний Совета по эвакуации с момента его основания и до октября 1941 года // ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550.

⁶² Постепенно Совет по эвакуации расширился – он насчитывал около восьмидесяти пяти членов. См.: Погребной Л. И. О деятельности. С. 202; ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 1. См. также: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 года «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 207.

⁶³ Погребной Л. И. О деятельности. С. 203.

Они были наделены исключительными временными полномочиями, дававшими им преимущество перед местными властями, и решали проблемы по собственному усмотрению. В республиках, областях и других регионах были учреждены местные ведомства, контролирующие эвакуацию, а на крупных железнодорожных узлах и в пунктах назначения созданы эвакуопункты, чтобы облегчить продвижение эшелонов. В портах для транспортировки грузов с поездов на суда были сформированы эвакуобазы, снабженные грузоподъемными кранами, баржами и паромами⁶⁴. Таким образом, Совет по эвакуации представлял собой парадоксальный орган: крайне централизованный, но вместе с тем зависящий от множества местных советов и парткомов, исполнявших его решения. Созданный во время войны, он опирался на довоенную государственную и промышленную инфраструктуру. Совет состоял из членов правительства, но наделял своих уполномоченных почти неограниченной властью в случае критических ситуаций на местах. Успешная деятельность этого органа во многом объяснялась именно его парадоксами.

Так как руководство страны распорядилось, чтобы Совет по эвакуации «немедленно приступил к работе», Каганович собрал его членов прямо в день создания Совета⁶⁵. Дубровин, заместитель наркома путей сообщения, позднее вспоминал, как после первого собрания они поспешно «разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время Первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось». «Опыт приобретался в ходе военных действий», – добавил он⁶⁶. В первые дни своего существования Совет по эвакуации не уделял особого внимания вывозу промышленных предприятий, сосредоточившись на ценном имуществе в отдельных городах и районах прифронтовой полосы⁶⁷. Учитывая, какой ужас и потери в скором времени ожидали страну, первые собрания Совета показывают, что его члены не отдавали себе отчета в том, какую масштабную задачу им предстоит решить.

⁶⁴ Там же. С. 204–205.

⁶⁵ О создании Совета по эвакуации. С. 201.

⁶⁶ Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелоном. С. 209.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 1–4.

Эвакуация и выжженная земля

Поскольку Совет по эвакуации только начал функционировать, местная администрация в прифронтовых зонах отчаянно добивалась инструкций из Москвы. 27 и 29 июня ЦК и Совнарком выпустили два постановления, которыми теперь надлежало руководствоваться. Первое из них, помеченное «строго секретно», было разослано партийным работникам и членам местных советов в прифронтовых зонах. В нем, в отличие от газет, не дававших конкретных сведений о сокрушительных поражениях на фронте, признавалось, что страна стремительно теряет территории, а вместе с ними – ценные промышленные и сельскохозяйственные ресурсы. В постановлении, призывавшем следовать тактике «выжженной земли», говорилось: «Все ценное имущество, сырьевые и продовольственные запасы, хлеба на корню, которые, при невозможности вывоза и оставлении на месте, могут быть использованы противником, в целях предотвращения этого использования, – распоряжением Военных Советов фронтов должны быть немедленно приведены в полную негодность, т. е. должны быть разрушены, уничтожены и сожжены»⁶⁸. Учитывая «сложную» ситуацию на фронте, советское руководство понимало, что Совет по эвакуации может не успеть принять меры. Оно выделило четыре категории, подлежащие эвакуации в первую очередь: промышленное оборудование, сырье, продовольствие и государственные ценности; квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с предприятиями; молодежь призывного возраста; ответственные советские и партийные работники.

Второе постановление содержало инструкции для населения в целом:

При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

Постановление предписывало местным партийным работникам «драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу»⁶⁹. Кроме того, оно наделяло их огромными полномочиями, предоставляя действовать по собственному усмотрению.

Два постановления лаконично перечисляли приоритетные группы для эвакуации и обозначали иерархию полномочий. Если условия не позволяют Совету по эвакуации принимать решения, эту обязанность должны взять на себя военные советы на фронте. Если военные советы уже отступили, местные партийные и ответственные работники должны были эвакуировать то, что еще можно было, уничтожить остальное и сражаться до последнего. Красная армия отступала быстро и неорганизованно, военные советы не располагали достоверной информацией, а Совету по эвакуации не удавалось поддерживать контакт с прифронтовой полосой. В таких условиях местная администрация оказывалась перед мучительной дилеммой. Тактика «выжженной земли» – поджигать поля, угонять скот, взрывать заводы – неизбежно сказыва-

⁶⁸ О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 207. Военные советы, назначаемые ГКО и организуемые армией и «фронтом» (Западным, Северным и т. д.), состояли из командующего фронтом, члена фронтового совета и начальника штаба. В прифронтовой полосе военным советам подчинялись все гражданские и военные органы.

⁶⁹ Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей // Великая Отечественная война. 50 лет. Приложение к календарю дат и событий. Вып. 1. ТАСС, 1991. С. 48–49.

лась на положении остающихся. Как будут выживать люди, не уехавшие в эвакуацию, без сельскохозяйственной продукции, скота и промышленности? Хотя правительство призывало всех уезжать, крестьяне из отдаленных деревень не могли добраться до станции, а у некоторых были старые или больные родственники, слишком слабые, чтобы отправиться в путь.

Выбор – уехать или остаться – влек за собой роковые последствия, особенно для еврейского населения. Уже доходили слухи о жестокости фашистов, но некоторые считали их преувеличенными. Другие же, пережившие Первую мировую войну, вспоминали «культурных» и «вежливых» немцев⁷⁰. Елизавета Дубинская, молодая еврейская женщина из Киева, вспоминала, что, когда пришло время эвакуации, ее семья разделилась:

Моя тетя попала в Бабий Яр, папина сестра, и дети ее, и сыновья, и все. Тетя Меня ее звали. Папина родная сестра, он очень, очень переживал, после войны он плакал и молился над ее фотографией. Они не понимали. Им ихний сын Нойка был, так он сказал, что надо взять пару белья и уехать, пока ты можешь. Она не верила ему. Он уехал, остался живой. А она осталась, ушла в Бабий Яр⁷¹.

Историк Ицхак Арад отмечает, что советские эвакуационные органы спасли от гибели около 1,63 миллиона евреев, предоставив им убежище на востоке⁷². Но когда немцы стремительно приближались, ни члены местных советов, ни обычные люди не располагали ни временем, ни достаточными сведениями, чтобы принять решение, которому вскоре предстояло определить их участь.

⁷⁰ *Shternshis A.* Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others to Stay in 1941 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. Vol. 15. № 3. P. 477–504.

⁷¹ Интервью с Елизаветой Дубинской. Оригинальная запись на русском языке (публикуется с разрешения Centropa.org).

⁷² *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. Lincoln: University of Nebraska Press, 2010. P. 87.

Перед лицом опасности

Изначально Совет по эвакуации собирался вывозить людей и промышленность с территорий, находившихся под непосредственной угрозой бомбардировок или оккупации. В первые пять дней войны он распорядился об эвакуации детей, а также ключевых оборонных предприятий вместе с рабочими из Москвы, Ленинграда и других крупных городов, подвергавшихся воздушным налетам⁷³. Из Москвы и Ленинграда отправились эшелоны с оборудованием и рабочими, а вслед за ними – составы, увозившие более 200 000 детей. Детей, разлученных с родителями, посылали в близлежащие села, считавшиеся защищенными от бомб⁷⁴. Совет по эвакуации, работая в чрезвычайно напряженной обстановке, вывозил людей, продовольствие и оборудование в срочном порядке – иначе говоря, в условиях острой необходимости спасти и отправить как можно больше, пусть даже в неопределенном направлении. Люди, садившиеся в вагоны, понятия не имели, куда они едут. Как позднее отмечал уполномоченный Совета по эвакуации Погребной, предварительное направление зачастую приходилось определять на месте, в зависимости от положения на фронте⁷⁵. Погрузка происходила в спешке, поэтому Совет по эвакуации не всегда мог проконтролировать, что именно увозили местные работники. Дубровин впоследствии вспоминал:

Конечно, в первые месяцы эвакуации наряду с объективными трудностями у нас было много ошибок и недостатков. Значительное число вагонов с эвакуируемым имуществом не имело адресов назначения, вагоны часто отправлялись на чрезмерно большие расстояния, грузилось много малоценного имущества. Желание эвакуируемых увезти все, ничего не оставить врагу приводило к тому, что вагоны порой загружались домашней мебелью, канцелярскими шкафами и столами, личными вещами, нередко металлом в ущерб более важному и ценному оборудованию заводов и фабрик⁷⁶.

⁷³ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 11–12; Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О вопросе НКАП» от 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 409. Л. 4–6.

⁷⁵ Погребной Л. И. О деятельности. С. 206.

⁷⁶ Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелоном. С. 211–212.

Ил. 1. Эвакуация людей из прифронтовой зоны. Публикуется с разрешения РГАКФД.

Ситуацию усугубляла загруженность дорог. Навстречу поездам, отправленным в тыл, тянулись бесконечные эшелоны на фронт, в результате чего возникали заторы и огромные очереди.

В первые десять дней телефоны Совета по эвакуации надрывались от звонков – из наркоматов спрашивали об отправке. В. П. Зотов, нарком пищевой промышленности, сознавая, что под угрозой оказались ключевые пищевые комбинаты, просил Совет по эвакуации вывезти наиболее ценное оборудование из самых опасных регионов⁷⁷. Но обращение Зотова конкурировало с отчаянными просьбами других предприятий⁷⁸. Телефонная связь часто прерывалась, и Совет по эвакуации не мог дозвониться до ответственных работников в прифронтовых зонах. Уполномоченному Наркомата судостроительной промышленности пришлось лично ехать на север, в Кандалакшу, город, расположенный вдоль железной дороги, соединяющей Москву и Мурманск, поскольку из-за сломанной телефонной линии дозвониться до Москвы было невозможно, а с момента, когда были получены распоряжения об эвакуации, из Кандалакши не поступало никаких сведений. В Кандалакше располагался крупный алюминиевый завод, а также «Североникель», комбинат по производству никеля, находившиеся в ведении НКВД и использовавшие труд заключенных. Сотрудникам НКВД удалось коротко известить Совет по эвакуации, что заводы сейчас в процессе погрузки и вскоре последует подробный письменный отчет⁷⁹.

Четкого общегосударственного плана эвакуации и возобновления работы предприятий по-прежнему не существовало. Красная армия отчаянно нуждалась в танках, боеприпасах, огнестрельном оружии и снаряжении, поэтому правительство неохотно шло на демонтаж оборонных предприятий, если им не грозила непосредственная опасность. Например, с ленин-

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 64. Л. 48, 67.

⁷⁸ Там же. Д. 550. Л. 12.

⁷⁹ Там же. Д. 409. Л. 6.

градского завода «Красный выборжец», выпускавшего боеприпасы, только половину рабочих и оборудования эвакуировали на Урал, а оставшиеся цеха продолжали работать на нужды фронта⁸⁰. Дубровин позднее вспоминал, что в 1941 году Красной армии так не хватало боеприпасов и оружия, что заводам приходилось работать до последнего момента: «Наряду с этим нужно было своевременно подготовить оборудование промышленных объектов к демонтажу и эвакуации, которую приходилось часто осуществлять под артиллерийским обстрелом и вражескими бомбардировками»⁸¹.

Когда речь не шла об оборонной промышленности, правительству лучше удавалось заблаговременно принять меры. Уже в первые недели войны оно приняло решение вывезти из Москвы большинство наркоматов и других государственных учреждений⁸². Такой шаг, отчасти обусловленный риском бомбардировок, гарантировал, что руководство страны и экономика продолжат функционировать, даже если бы столица пострадала от разрушений или была оккупирована. Однако упреждающие меры лишь задним числом казались дальновидными. Порой местная администрация противилась заблаговременной эвакуации, видя в ней признак паникерства. Так, Совет по эвакуации распорядился о демонтаже электростанций 3 июля, но Ленгорсовет проигнорировал распоряжение и не позволил Наркомату электростанций отключать электричество без прямого указания Совнаркома⁸³.

⁸⁰ Там же. Д. 550. Л. 12.

⁸¹ Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелоном. С. 209.

⁸² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О переводе из Москвы Наркоматов и Главных управлений» от 29 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 211–212.

⁸³ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 409. Л. 7.

Паника и смятение

Летом 1941 года немцы быстро занимали один город за другим. Шквал отчаянных телеграмм, сообщений и сводок от военачальников, партработников и рядовых граждан хлынул в адрес Сталина, Георгия Маленкова и других партийных руководителей. Директива от 29 июня предписывала местным советам и партийным организациям проявлять «смелость, инициативу и сметку». Однако Большой террор 1935–1939 годов приучил к иным правилам выживания: не принимать решений без письменных распоряжений начальства, прерывать общение со всеми, кто находится под подозрением, и заблаговременно доносить на других, чтобы обезопасить себя⁸⁴. Подобные стратегии не способствовали развитию инициативы и солидарности, необходимых для формирования единого, сильного сопротивления. Политическое управление Красной армии (ПУ РККА) регулярно сообщало ЦК последние новости о политической и военной обстановке на фронте, а рядовые граждане и партийные активисты тоже считали своим долгом «сообщать»⁸⁵. Наблюдая панику и смятение, они просили Сталина и ЦК наказать виновных и восстановить порядок. Иных, впрочем, в условиях отсутствия военного и административного руководства заботило не столько наказание, сколько желание получить хоть какие-то инструкции.

Так, житель Мозыря, города в Полесской области (Белоруссия) с населением около 17 500 человек, расположенного на берегах Припяти, отправил Сталину гневную телеграмму с обвинениями в адрес местного совета, партии и сотрудников НКВД. Он писал, что Мозырь кишит бегущими солдатами и беженцами. Издав распоряжение жителям Мозыря оставаться на месте, многие крупные чиновники, включая главу НКВД, отправили свои семьи из города и сами бежали под покровом ночи. Их действия вызвали панику и ярость среди оставшихся⁸⁶. Около трети населения города составляли евреи, большинство которых вскоре было убито нацистами. Схожие примеры паники и бегства можно было наблюдать в городах и селах вдоль всей линии фронта. Член ПУ РККА на Северо-Западном фронте извещал ЦК, что в деревне Глубокое Опочецкого района местные партработники, директор водочного завода, судья и единственный милиционер в панике бежали 6 июля, когда фронт был еще в ста километрах. По словам автора письма, вследствие этого преступного поведения жители начали грабить магазины, молочный и водочный заводы⁸⁷.

1 июля члены штаба обороны города Ельни Смоленской области и работники районных партийных организаций написали в Политбюро, что в результате временного успеха немцев в разных областях Западного фронта, особенно на минском направлении, паника охватила военное командование разных территорий, а местные партийные и ответственные работники пребывают в паническом бездействии. По словам авторов письма, члены областного военного командования в Смоленске, завидев первые самолеты люфтваффе, отправили своих жен на восток, в Ельню. На следующий день глава областного военного командования поручил дежурному офицеру в Ельне передать привет его жене, но это личное сообщение содержало полноценные инструкции, передававшиеся по цепочке дальше. Авиационная часть в Ельне не получила никаких инструкций, и ее командир, как отмечали партработники, был совершенно сбит с толку. Всю ночь над головой летали вражеские самолеты, и люди боялись, что германские войска прорвут линию фронта. В ночь на 26 июня начался яростный обстрел, продолжавшийся до утра. Восходящее солнце осветило двух убитых красноармейцев, павших жертвой дружеского

⁸⁴ Goldman W. Z. *Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

⁸⁵ То есть доносить. См., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 10. Л. 11, 29, 46.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 10. Л. 8.

⁸⁷ Там же. Л. 25–26.

обмена выстрелами, вызванного паникой. Партийные работники и члены горсовета Ельни не получали инструкций от начальства в Смоленске, переставшего отвечать на звонки. Члены местного райкома язвительно добавляли: «Почти единственная директива, которую получили 27 июня 1941 года датированная 23 числом этого месяца, где Облисполком требует сведения о состоянии церквей и молитвенных зданий в районе. Читаешь эту директиву и невольно думаешь, неужели сейчас больше нечем заняться. Получилось так, что каждый район предоставлен сам себе»⁸⁸.

Между тем перед ответственными работниками в Ельне стояли вопросы, требующие безотлагательного решения. Прибыло множество эвакуированных, нуждавшихся в пище и убежище, в том числе семьи военного командования. Новобранцы возвращались в город, потому что не могли найти свои части. Ежедневно приходили добровольцы, стремившиеся на фронт. Местная администрация, не имея никаких инструкций, попросту не знала, что отвечать людям. По словам авторов письма, они записали в армию около 2000 человек из района, провели с ними курс военной подготовки и даже сформировали полк, но остро нуждались в вооружении и были лишены даже самых элементарных сведений о ближайшем фронте. В Ельню хлынула волна перепуганных беженцев, кричавших, что Минск уже взят и что немцы занимают Смоленскую область. Как отличить правду от провокации?⁸⁹ Командиры и партийные работники просили Политбюро создать орган, планомерно занимающийся эвакуацией жен и детей с учетом достоверных сведений о положении на фронте, и отправить на фронт всех членов партии, оставив в регионе лишь небольшую группу. Они твердо заявили: «Мы не имеем права эвакуироваться. Наша задача бить врага до полного уничтожения». Они призывали к порядку и согласованным коллективным действиям: «Если каждый командир или руководящий советский партийный работник начнут заниматься эвакуацией своей семьи, то защищать родину будет некому». Наконец, они просили Политбюро и лично Сталина «ударить по паникерам и всем, кто способствует рождению паники»⁹⁰.

Смоленская область была не единственной прифронтовой зоной, где военное командование и гражданская администрация действовали, не располагая никакими сведениями и инструкциями. Но даже при наличии таковых местные ответственные работники оказывались перед страшным выбором. В Речице, городе в Гомельской области на юго-востоке Белоруссии, районная администрация получила распоряжение из области об эвакуации населения 28 июня. На следующий же день районный прокурор написал гневный донос прокурору СССР, сообщая об истеричной реакции местных властей. Они уничтожили часть секретных документов, остальные выбросили во двор, а некоторые покинули свои кабинеты, оставив бумаги нетронутыми, а двери широко распахнутыми. Утром они вывезли свои семьи, в полдень сказали всем эвакуироваться и сразу же пустились в бегство. Женщин и детей отправили даже без еды. Уже в первой половине дня рабочие ушли с заводов. На Днепре к причалу выстроилась огромная очередь в надежде сесть на пароход, иные же добирались до другого берега вплавь и пешком шли на восток. Но когда стемнело, а суда так и не пришли, изнуренные люди, попытавшиеся было эвакуироваться, под дождем поплелись домой. Они не знали, куда еще податься⁹¹.

Сначала прокурор хотел, чтобы районную администрацию судили за измену родине: «Я думаю, что эта выдумка с эвакуацией ввела большую панику и это, очевидно, было сделано враждебными элементами с целью». Но в следующей же фразе выразился менее резко: «Если даже и это исключить, то за такую неорганизованность и созданную панику при эвакуации нужно привлечь к уголовной ответственности». Все еще придерживаясь прежних требований,

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 10. Л. 11–13. Цитаты на л. 12.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Л. 13.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 10. Л. 15.

он попросил провести расследование: «Я прошу Вас тов. Бочков командировать на место представителя прокуратуры СССР для расследования этого факта, так как мое обращение в Гомельскую областную прокуратуру не нашло поддержки, а где находится сейчас Прокуратура БССР я не знаю, сам же заняться этим делом я не в состоянии, во-первых потому, что тут связано с областными руководящими работниками, а во-вторых, что я сам нахожусь с оружием в руках в отряде обороны, хотя фронту в Речице не бывать, в этом я уверен»⁹². Прокурор не понимал, насколько изменилась обстановка. Расследование едва ли отвело бы неотвратимую угрозу оккупации. 10 июля местные ответработники вернулись в Речицу, но через шесть недель в город вошли немцы. Такая же паника и неорганизованные попытки эвакуации происходили в других небольших городах и селах. Когда немцы уже шли по Белоруссии, председатель Насвинского сельсовета получил из района распоряжение о немедленной эвакуации. Однако ему не дали никаких указаний относительно того, куда ехать и как перевозить людей, продовольствие и животных⁹³. В деревне Медведь на Северо-Западном фронте местные чиновники бежали вместе с семьями, оставив детей и стариков из колхозов блуждать в лесах. Один пожилой колхозник прямо заявил, что руководство бросило их на произвол судьбы⁹⁴.

Местная администрация не знала, как быть с хлебом, скотом и колхозной техникой. Директивы о тактике «выжженной земли» не сулили ничего хорошего остающимся. На севере, в окрестностях Тихвина и Волхова, районное начальство распорядилось, чтобы крестьяне прекратили сеять, а председатели колхозов раздали крестьянам запасы зерна. Комиссар батальона, стоявшего в этом регионе, не испытывал особого сочувствия к крестьянам и написал в ЦК, критикуя такое решение и заявив, что как коммунист считает своим долгом сообщить о создавшемся беспорядке. По его мнению, разумнее было бы передать эти запасы армии. Он с негодованием отмечал, что колхозники всё съедят⁹⁵. К юго-западу от Москвы, в Курской области, местный судья и член партии возмущался, что сельская администрация не собрала урожай и не сдала зерно государству. Хотя НКВД и районная милиция предупредили местных ответработников, чтобы они не забирали грузовики и тракторы, а эвакуировали машинно-тракторные станции, те использовали самоходные машины для эвакуации своих семей. Однако проверить эти утверждения оказалось невозможно: в начале ноября Курск заняли немцы, и все обвинения заслонила куда более серьезная угроза⁹⁶.

Бегство местной администрации нередко сопровождалось грабежами. В страхе перед надвигающейся оккупацией местные жители разоряли магазины и склады. Но следовало ли винить людей, присваивавших имущество, если территорию вот-вот должен был занять враг? Следуя инструкциям, обозначенным в постановлении от 29 июня, председатель совхоза в Волоотовском районе угнал стада скота и свиней общей численностью около тысячи голов. Некоторые жители увидели в его действиях сигнал к разграблению всего продовольствия и ценностей, еще остававшихся в совхозе. Многих работников совхоза их поведение ошеломило⁹⁷. Член ПУ РККА на Северном фронте отмечал, что речь идет не об отдельных случаях – то же самое происходит в других районах и деревнях⁹⁸. Зачастую ценная сельскохозяйственная техника оставалась стоять на машинно-тракторных станциях или в полях, поскольку военные и бегущие члены администрации уже забрали весь бензин и машинное масло⁹⁹.

⁹² Там же. Л. 14–15 об.

⁹³ Там же. Л. 25–26.

⁹⁴ Там же. Л. 30.

⁹⁵ Там же. Д. 18. Л. 6–8.

⁹⁶ Там же. Л. 9–9 об., 22.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 10. Д. 10. Л. 26.

⁹⁸ Там же. Л. 25–26.

⁹⁹ Там же. Л. 28.

В сельсоветах не знали, как понимать постановления о тактике «выжженной земли» от 26 и 29 июня и как им следовать. Некоторые без необходимости уничтожали ценное имущество, другие колебались и позволили немцам захватить технику. В начале августа член ПУ РККА написал длинное письмо, резко критикуя ответственных работников по всей Украине за бездействие. Он возмущался, что они не уничтожают ценности, которые в итоге достаются врагу. Они сидят на чемоданах и усаживаются в машины в ожидании отъезда. Эвакуация Шполянского района Черкасской области (Украина) вылилась в стихийный массовый исход. Директор мельницы и начальник пожарной бригады сбежали, а председатели колхозов и совхозов прихватили с собой столько имущества, сколько смогли унести. Крестьяне быстро распродали оставшихся лошадей, телеги и боеприпасы. Кое-где местные бюрократы, забиравшие у крестьян имущество и скот, приводили их в ярость. В Сумской области на северо-востоке Украины администрация забрала лучших лошадей и товары из магазинов, ничего не оставив колхозникам. Крестьяне восприняли ее действия как попросту воровство, но представителя ПУ РККА беспокоило то, что осталось. Удостоверившись, что в области еще достаточно домашнего скота и солидные запасы зерна, он заметил, что враг получит полноценную продовольственную базу. Он высказал опасение, что в отсутствие администрации, способной организовать сопротивление, у крестьян не останется выбора, кроме как приспособливаться к немцам¹⁰⁰. Некоторые крестьяне с надеждой ждали прихода немцев и открыто предрекали конец советской власти и ликвидацию колхозов. Один крестьянин из группы, посланной копать противотанковые рвы, призывал своих товарищей бросить работу, заявив, что Гитлер освободит их, а сам он скоро получит свои тридцать гектаров земли с собственными лошадьми и коровами¹⁰¹. В середине августа немцы достигли портовых городов – Николаева на реке Буг и Херсона на Днепре. Переправить через Днепр и Буг крупные поголовья скота оказалось трудно, и многие животные остались на территориях, вскоре занятых врагом; суда, вывозившие из Херсона зерно, несколько раз бомбили. Когда администрация покинула города, местные жители разграбили склады¹⁰². 6 августа глава ПУ РККА на Южном фронте, наблюдая переполох в местных советах, предложил ЦК передать всю власть в радиусе 70–100 километров от линии фронта в руки военного командования. Такое предложение было равносильно открытому признанию, что местные партийные организации и советы утратили контроль над ситуацией¹⁰³.

Такой же беспорядок царил в прифронтовой зоне на севере Украины. В конце июля Н. И. Якшаров, член партии из Калинина, в яростном отчаянии писал Сталину: «Дисциплины в тылу нет, каждый делает все, что ему хочется. Так ли должно быть?» Он настойчиво просил: «Сейчас нужны методы гражданской войны в части восстановления дисциплины в тылу. Надо прекратить безобразия, которые имеются около фронта, и положить конец всем провокациям. <...> Тов. Сталин, примите меры, чтобы навести порядок, укрепить тыл, этим можем только ускорить победу над врагами»¹⁰⁴. По словам Якшарова, он, проезжая по Калининской области, повсюду видел бегущих солдат и охваченное паникой районное начальство. Отступающие солдаты крали машины и запасы горючего, принадлежащие местным советам. Группы солдат угрожали председателям колхозов оружием, требуя еды. Когда их просили предъявить документы, они отвечали крестьянам: «Власть перешла в руки военных». «Все возмущаются, но молчат», – писал Якшаров. Скот, угоняемый в соответствии с более ранними распоряжениями правительства, в полях пускался в паническое бегство и топтал зерно. Бродили дикие слухи – утверждали, например, что генерал С. К. Тимошенко бежал за границу после того, как его

¹⁰⁰ Там же. Л. 64–66.

¹⁰¹ Там же. Л. 45–48.

¹⁰² Там же. Л. 49–51.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 10. Л. 46–48.

¹⁰⁴ Там же. Л. 39–40. Довоенные границы Калининской (ныне Тверской) области простирались до границ Белоруссии и Латвии.

сместили с поста. Якшаров сетовал: «Мне обидно, что у нас такая отвратительная организованность и дисциплина»¹⁰⁵.

В утрате контроля виновата была не только местная администрация. Грань между своевременной эвакуацией и поспешным бегством, между раздачей товаров населению и грабежом оказалась весьма зыбкой. Когда уничтожать зерно и угонять скот? Как жить тем, кто не уехал?¹⁰⁶ И. В. Ковалев, бывший нарком путей сообщения и советский историк, позднее косвенно упоминал об этих дилеммах:

В одних случаях местные органы, трезво оценив обстановку, принимали решительные меры для эвакуации гражданского населения и материальных ценностей, в других проявляли колебания, и в результате многие советские люди не по своей воле оставались на оккупированной врагом территории, а материальные ценности либо в последний момент приходилось уничтожать, либо, что еще хуже, они доставались немецко-фашистским захватчикам¹⁰⁷.

Ковалев лишь не сказал, что своевременные меры полностью зависели от местонахождения врага, продвигавшегося с такой скоростью, что никто не знал, где сейчас фронт.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Л. 28.

¹⁰⁷ Ковалев И. В. Транспорт в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. М.: Наука, 1981. С. 81.

Планирование, погрузка, отслеживание

Летом и осенью, когда бомбардировки, аварии, заторы на железнодорожных путях, перевалочных пунктах и в портах усиливали страх и напряжение, Совет по эвакуации пытался восстановить порядок. Железнодорожные рабочие и добровольцы круглосуточно расчищали пути и станции, чинили поврежденные бомбами рельсы¹⁰⁸. Железнодорожные войска, подведомственные Наркомату обороны, в условиях бомбардировок помогали грузить военную и промышленную технику, транспорт с эвакуированным населением и ранеными красноармейцами, регулируя движение. Кроме того, они отвечали за эвакуацию самих путей, включая оборудование в депо и на складах, подвижной состав и более 5000 километров рельсов¹⁰⁹. Будучи и обученными солдатами, и квалифицированными рабочими, они вступали с немцами в жестокие бои за контроль над железнодорожными путями, узлами и участками, одновременно ремонтируя и разбирая рельсы.

Постепенно начала складываться эффективная схема плановой эвакуации. Благодаря подробным докладом с каждой станции, маршрута и из всех наркоматов к июлю из мрака и сумятицы проступила обширная карта действующих железнодорожных путей¹¹⁰. Совет по эвакуации разработал систему отчетности и нумерации, позволявшую отследить траекторию каждого эшелона. Он ограничил движение по железным дорогам, чтобы разные составы с эвакуированными беспрепятственно шли вдоль широкой и постоянно смещающейся прифронтовой полосы, организовал демонтаж крупных промышленных комплексов, выделил каждому предприятию товарные вагоны и утвердил направления движения. Кроме того, Совет распорядился обеспечить эвакуируемых пищей, водой и медицинской (а вывозимых животных – ветеринарной) помощью. Совет по эвакуации выступал в качестве посредника между Наркоматом путей сообщения и другими наркоматами. Постановление от 3 июля 1941 года гласило:

При перевозке оборудование должно сопровождаться до места назначения проводниками отправителя (завода, фабрики) в составе которых должны находиться монтеры эвакуируемого завода (фабрики). В качестве проводников маршрутов и групп вагонов допускаются только постоянные, надежные и политически проверенные работники данного предприятия. <...> Проводники должны снабжаться начальником станции отправления удостоверением на право проезда по установленной НКПС форме с указанием номера паспорта и командировочного удостоверения каждого проводника. В случаях технической неисправности отдельных вагонов в пути из группы или маршрута с эвакуируемым оборудованием и невозможностью их следовать с данным поездом, груз должен быть комплектно отправлен с ближайшим поездом к месту назначения¹¹¹.

Но даже самые подробные инструкции не могли отменить некоторых жестких ограничений. Любой участок пути мог в пределах заданного временного интервала вместить строго определенное количество вагонов, вычисленное с математической точностью железнодорожными специалистами, чтобы при этом не возникало заторов. Количество вагонов, отданных под эвакуацию, было ограничено передвижениями войск, подвозом продовольствия и другими необходимыми операциями с участием транспорта¹¹². Такие ограничения вынуждали Совет по

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 409. Л. 4–5, 8, 9, 18, 21, 22.

¹⁰⁹ Ковалев И. В. Под огнем врага // Эшелоны идут на восток. С. 230–231.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 19.

¹¹¹ Там же. Д. 423. Л. 3–5. Цитата на л. 5.

¹¹² Там же. Д. 438. Л. 119, 117; Д. 482. Л. 11.

эвакуации расставлять приоритеты в зависимости от серьезности угрозы немецкой оккупации в конкретном регионе и от загруженности железнодорожных путей по всей стране. То же самое касалось возможности обеспечивать эвакуируемых пищей, водой и необходимой помощью на всем пути следования. Так, Совет по эвакуации планировал вывезти более 1,6 миллиона людей из угрожаемых зон в первую декаду июля. Координировать все транспортные потоки оказалось непосильной задачей: требовалось регулировать погрузочные пункты, маршруты, железнодорожные вагоны и речные суда¹¹³. Несмотря на тщательное отслеживание, многие грузы ушли не в том направлении. Рабочие часто паковали грузы под бомбами и обстрелами, поэтому не успевали проверять, все ли вагоны на месте. Чтобы решить эту проблему, Совет по эвакуации создал специальные базы, где можно было составить опись отставших грузов и передать информацию об их содержимом в Госплан. Из-за большого количества незарегистрированных грузов Госплан сформировал отдельную рабочую группу, составлявшую по ним отчеты, и присвоил им особую категорию в своих экономических планах¹¹⁴. На протяжении всего лета и осени Наркомат путей сообщения регулярно направлял Совету по эвакуации доклады, фиксируя число находящихся в пути эшелонов, число вагонов в каждом из них и направление их следования, о котором, в свою очередь, ежедневно докладывали начальники железнодорожных станций. Эти сводки позволяли Совету по эвакуации определить местонахождение каждого эшелона в конкретный момент и считались столь ценными, что их копии передавали в ГКО¹¹⁵.

В период с августа по октябрь 80 % советской военной промышленности оказалась «на колесах» – в товарных вагонах,двигающихся на восток¹¹⁶. Совету по эвакуации приходилось одновременно решать две взаимоисключающие задачи: долгосрочную – спасти промышленность – и краткосрочную – не прекращать работу оборонных предприятий до последней минуты с риском, что они попадут в руки немцев. Решение о времени эвакуации заметно сказывалось не только на фронте, но и на работе оборонных предприятий в тылу. Это затруднение ярко иллюстрирует пример металлургии, необходимой для производства оружия. 18 июля Совет по эвакуации распорядился о вывозе из Ленинграда и Харькова заводов по обработке цветных металлов. Как только производство на них остановилось, московским оборонным предприятиям пришлось обходиться металлом местного производства. Лихорадочно пытаясь найти хоть какое-то решение, члены Совета по эвакуации думали даже о переплавке бронзовых колоколов московских и ленинградских церквей. Иногда заводы приходилось эвакуировать просто потому, что дальше поддерживать их работу было невозможно¹¹⁷.

¹¹³ Там же. Д. 438. Л. 113–111 (документ с обратной нумерацией).

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 24, 27–32; Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелоном. С. 207.

¹¹⁵ Там же. Д. 510. Л. 28, 27–21 (документ с обратной нумерацией).

¹¹⁶ Erickson J. The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany. New Haven: Yale University Press, 1975. P. 232–233.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 36; Д. 264. Л. 102–101 (документ с обратной нумерацией). См. также: Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front. P. 132, где авторы утверждают, что дефицит материалов в значительной мере был обусловлен нежеланием государства равномерно распределить оборонные предприятия по всей стране в период индустриализации.

Ил. 2. Эвакуация скота из прифронтовой зоны. 1941 год. Публикуется с разрешения РГАКФД.

Зерно, стада и пищевые комбинаты

Летом и в начале осени главной заботой Совета по эвакуации был вывоз сельскохозяйственной базы, в том числе техники, скота, пищевых комбинатов, а главное – зерна. Наркомат земледелия и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов в тесном сотрудничестве с Советом по эвакуации разработали детальные инструкции транспортировки и обустройства на новом месте оборудования и животных, вместе с тем поощряя колхозы не прекращать производство до последнего момента. Зреющий на полях хлеб и отступление Красной армии определили очередность эвакуации: сначала скот, затем свежий урожай зерна, а потом уже зерноуборочные комбайны и молотилки. Согласно инструкциям Совета по эвакуации, крестьяне должны были угнать скот в безопасное место, механики – вывезти моторы комбайнов, а трактористы – направить тракторы в тыл. Осенью, когда начались сильные дожди, дороги развезло, а в реках поднялась вода, так что проехать – а значит, и следовать инструкциям – зачастую было невозможно. В конце концов ГКО и ЦК поручили местным советам и партийным организациям соорудить переправы через Дон, Волгу, Кубань и Терек. Однако лишь незначительному количеству скота и тракторов из Кировоградской, Одесской и Каменец-Подольской областей удалось добраться до Днепра и еще меньшему – переправиться на другой берег; правда, в восточных областях Белоруссии дело обстояло несколько лучше¹¹⁸. Многие шоферы были вынуждены бросить технику на дороге, если она сломалась или кончилось горючее¹¹⁹.

Эвакуацию продовольственных запасов требовалось осуществить в кратчайшие сроки. Все понимали, что утрата сельскохозяйственной базы и пищевой промышленности обречет на голод армию и тыл. Совет по эвакуации распорядился, чтобы местная администрация вывезла сахар, зерно и другие продукты с территорий, которым грозила опасность¹²⁰. В середине июля он развернул кампанию по эвакуации скота, свиней, продовольствия и пищевых комбинатов из всех регионов, находившихся под угрозой оккупации или бомбардировок¹²¹. Сахар и зерно поставили на первое место среди всего, что необходимо было вывезти из прифронтовой зоны, включая оборонные предприятия. Начальство всех железных дорог получило от Совета по эвакуации приказ при любых условиях вывезти из прифронтовой полосы сахар за пять дней, а из остальных регионов – за восемь. Товарные вагоны с сахарной свеклой надлежало отправить даже без определенного пункта назначения. В Наркомате путей сообщения была сформирована специальная рабочая группа, занимавшаяся исключительно вывозом сахара, а Зотов, нарком пищевой промышленности, распорядился о немедленной эвакуации сахарных заводов¹²². Страна стремительно теряла территории, и Совет по эвакуации пошел на экстренный пересмотр приоритетов. Начальники железнодорожных путей получили приказ резко ограничить перевозку людей ради транспортировки продовольствия¹²³.

Эвакуация пищевых комбинатов должна была повлечь за собой исчезновение с прилавков повидла, консервов, мяса, молока, сливочного и растительного масла и других продуктов пищевой промышленности. Чтобы компенсировать дефицит, Совет по эвакуации ввел стратегию поэтапного вывоза, дав наркоматам указание лишь частично демонтировать заводы, не прерывая производства. Как только производство возобновлялось уже в другом регионе, следовало вывезти оставшихся рабочих и оборудование. Однако эта стратегия часто давала сбой:

¹¹⁸ Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 118, 124. В Белоруссии удалось эвакуировать более 50 % крупного рогатого скота и овец (395 300 и 245 000 голов соответственно) и 6 % (15 500) свиней.

¹¹⁹ Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 118, 126.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 19.

¹²¹ Там же. Л. 25–26; Д. 92. Л. 1–6, 9, 11–14.

¹²² Там же. Д. 550. Л. 34–35, 37.

¹²³ Там же. Л. 35, 36, 43, 55.

эшелоны на восток шли долго, а немцы продвигались быстро. Когда эвакуированные заводы начинали производство, регионы, где они изначально располагались, были уже захвачены¹²⁴.

Совет по эвакуации попытался вывезти и скот, но эта инициатива оказалась наименее успешной. ГКО отдал распоряжение об эвакуации животных из колхозов в середине июля¹²⁵. В Украине местные власти уже отправили огромные колонны тракторов и стада к высокому правому берегу Днепра. Они организовали строительство сорока шести переправ и составили разномастную флотилию из пароходов, катеров и барж. Но немцы неоднократно бомбили переправы, убивая людей и животных и уничтожая технику. Перепуганные животные разбежались во все стороны. На берегах и в воде оставались окровавленные конечности, куски изувеченных животных, обломки машин. Но исход продолжался. Поток людей, животных и техники, переправляемых через реку, не иссякал ни днем, ни ночью. К октябрю тысячи тракторов, комбайнов, машин и почти три миллиона скота, овец, лошадей и свиней благополучно перевезли на другой берег. Многим колхозам пришлось перебираться с места на место дважды: сначала пересекать Днепр, чтобы оказаться на относительно безопасном левом берегу, а затем двигаться дальше на восток, спасаясь от немецкой оккупации¹²⁶. Из оставшихся животных многих отдали Красной армии, а других угнали на восток в надежде, что их найдут, накормят и приютят. Совет по эвакуации отслеживал перемещение колонн, устраивал ветеринарные пункты и пытался ускорить движение, но дороги постоянно бомбили, и заставить стада продолжать путь было трудно¹²⁷.

Известен исключительный случай совместного длительного перехода целого колхоза. К. П. Шовкопляс, колхозник из-под Днепропетровска, вспоминал, что 27 августа крестьяне упаковали вещи, согнали скот и под проливным дождем пустились в дорогу. Пастухи гнали стадо численностью около трехсот голов, а за ними тянулись шестьдесят четыре подводы с детьми, инвалидами, стариками и ценными вещами – вся процессия растянулась чуть ли не на два километра. Люди и животные шли пешком почти четыре месяца, в декабре наконец остановившись близ Волги. Когда к концу лета 1942 года немцы достигли Волги, колхозникам снова пришлось эвакуироваться. Они совершили второй переход – в Казахстан, где и оставались, пока Красная армия не освободила Днепропетровскую область. В 1943 году они вернулись домой, пригнав с собой почти весь скот, с которым отправлялись в путь¹²⁸.

В середине августа заместитель председателя Госплана сообщил Вознесенскому, его главе, что перегон скота был организован крайне неудовлетворительно и многие животные потерялись¹²⁹. Сельсоветы были совершенно не подготовлены и не знали, куда и как отправлять стада. Ветеринаров не эвакуировали вместе с животными, а вдоль маршрута не оказалось ветеринарных пунктов. Часто крестьяне попросту гнали скот из одного района в другой. Когда районные власти Калининской области получили приказ об эвакуации скота, каждый истолковал его по-своему. Некоторые эвакуировали колхозных и совхозных животных, но разрешали крестьянам оставить своих коров. Другие оставляли тех, кто давал много молока, а более хилый скот угоняли. Третьи продавали животных колхозникам, которые, в свою очередь, перепродавали их наводнившим область бегущим крестьянам. Были и те, кто вовсе ничего не предпринимал. В Калининской и Смоленской областях подростки и пожилые колхозники по распоряжению местной администрации гнали стада в соседний район, а не в предписанный пункт назначения. Стариков и подростков, одетых в лохмотья, отправляли без денег и еды, не

¹²⁴ Там же. Л. 50–51.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 55.

¹²⁶ Там же. Д. 511. Л. 58.

¹²⁷ Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогонов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 119–120.

¹²⁸ Там же. С. 122.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 511. Л. 58.

оставляя им шансов перенести такой путь. Коров не доили, скот не поили и не кормили. Узнав об этих трудностях, Госплан, Совет по эвакуации и Совнарком в середине августа составили подробные инструкции, объясняя, что пастухи должны забрать с собой семьи и личное имущество. Им, как и рабочим, полагалось платить за проведенное в пути время, а также выдать билеты на поезда и речной транспорт. В инструкциях четко оговаривались маршруты, вдоль которых были разбиты пункты, где животных следовало напоить и накормить и где им оказывали ветеринарную помощь¹³⁰.

Поток животных, сельскохозяйственной техники и продовольствия хлынул в Одессу, черноморский порт, где его успешно погрузили в вагоны и на суда. Однако в начале августа железнодорожные маршруты из города оказались перекрыты из-за боев, на станции скапливались беженцы и груженные вагоны. Совету по эвакуации удалось вывезти почти 40 % из 65 616 тонн привезенного в город зерна¹³¹. После семидесяти трех дней осады Одесса пала – в середине октября в город вошли германо-румынские войска, и несколько сот беженцев, эвакуированных и местных жителей попали в западню¹³². После того как город заняли немцы и румыны, началась трагедия, впоследствии известная как Холокост в Одессе: около 25 000 одесситов были убиты на окраине города, более 35 000 человек высланы. Из проживавших в Одессе 210 000 евреев 80 % погибло во время маршей смерти, в гетто и концлагерях¹³³.

В середине августа главным приоритетом в прифронтовой полосе стал вывоз зерна¹³⁴. Совет по эвакуации обозначил планы погрузки для каждого региона, чтобы заставить Наркомат путей сообщения выделить нужное количество вагонов и запретить использовать их для каких-либо иных целей¹³⁵. В конце августа Зотов отправил Совету по эвакуации план вывоза из Крыма предприятий пищевой промышленности, в том числе консервных, винных, пивоваренных, ликеро-водочных и маслодавательных заводов, мельниц и табачных фабрик¹³⁶. Совет по эвакуации велел Зотову начинать погрузку и отправку¹³⁷. С тревогой следя за отступлением слабеющей Красной армии, Зотов составил длинный перечень предприятий, которые он надеялся эвакуировать к 10 октября¹³⁸. Однако к началу октября приоритеты Совета по эвакуации сместились в сторону обороны. В обращениях Зотова все отчетливее звучал призыв поторопиться. 4 октября он направил Совету по эвакуации план вывоза пищевых комбинатов из Харькова и его окрестностей. 12 октября он попросил выделить вагоны для вывоза сала и канифоли из Харькова. 13 октября, когда немцы были уже на подступах к Харькову, Совет по эвакуации дал Зотову распоряжение начинать погрузку¹³⁹. Оно оказалось как нельзя более своевременным. 24 октября немцы заняли Харьков. Утрата крупнейшего транспортного узла стала страшным ударом, заставившим Красную армию и Совет по эвакуации прокладывать путь через Воронеж и Сталинград на железнодорожном и речном транспорте. Единственное положительное обстоятельство заключалось в том, что Зотову удалось спасти остро необходимые предприятия пищевой промышленности, а отклонение немцев от своего маршрута в сторону Харькова способствовало поражению вермахта под Ростовом в начале декабря.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 511. Л. 57–56, 55–53 (документ с обратной нумерацией).

¹³¹ Там же. Л. 10.

¹³² Там же. Д. 550. Л. 63; *Solonari V. A Satellite Empire: Romanian Rule in Southwestern Ukraine, 1941–1944*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2019. P. 16–20.

¹³³ См. историю еврейской семьи, не сумевшей уехать из Одессы: *Udler R. The Cursed Years: Reminiscences of a Holocaust Survivor*. Pittsburgh: Chisinau, 2005.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 63.

¹³⁵ Там же. Л. 72.

¹³⁶ Там же. Д. 64. Л. 74–82.

¹³⁷ Там же. Л. 73, 24–37, 21, 8–10.

¹³⁸ Там же. Л. 89, 90.

¹³⁹ Там же. Л. 8–14.

К началу декабря эвакуация сельскохозяйственной базы и предприятий пищевой промышленности завершилась. Было успешно эвакуировано 8,8 миллиона животных¹⁴⁰. Крупные запасы зерна, скопившиеся на складах, пристанях, железнодорожных станциях, пришлось оставить, но товарных вагонов для спасения и продовольствия, и тяжелой промышленности не хватало. По мере отступления Красной армии зерно частично распределяли среди населения, но тысячи тонн хлеба было уничтожено¹⁴¹. Миллионы лошадей, скота, овец пригнали в Поволжье. Пока температура понижалась, а огромная река замерзала, животные, скопившиеся на правом берегу, ждали отправки в колхозы в тылу¹⁴².

¹⁴⁰ К 1 декабря 1941 года было эвакуировано 8 777 600 животных, в том числе 903 800 лошадей, 3 502 700 крупного рогатого скота и 3 381 500 овец: *Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И.* Партийное руководство эвакуацией. С. 127.

¹⁴¹ Там же. С. 127–128.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 511. Л. 160.

Промышленная база: экстренная и плановая эвакуация

Эвакуируя промышленность, Совет по эвакуации параллельно решал две задачи – экстренные спасательные меры и плановую транспортировку. В Западной Белоруссии, оккупированной менее чем за неделю с начала войны, большая часть промышленности была потеряна. Но в Гомеле, втором по величине белорусском городе, у Совета по эвакуации оказалось чуть больше времени, поэтому и задача была выполнена более успешно. Битва за Гомель началась в июле, но немцы заняли город только 21 августа. Эвакуация велась с начала июля и продолжалась уже в начале августа, несмотря на постоянные бомбежки. Рабочим удалось вывезти 42 промышленных предприятия, в том числе Гомсельмаш, завод сельскохозяйственной техники, уже работавший на оборону, и 80 000 человек. К сентябрю гомельские предприятия переместились на восток и возобновили производство оружия¹⁴³.

В отличие от Белоруссии, где требовались экстренные меры, предприятия в окрестностях Москвы и Ленинграда Совет по эвакуации начал вывозить в начале июля, задолго до того, как над обоими городами нависла угроза оккупации¹⁴⁴. Эвакуация Киева и Киевской области тоже началась уже в первую неделю войны. Рабочие спали на заводах, круглые сутки разбирая и пакуя оборудование. Совет по эвакуации заранее озаботился и вывозом металлургических заводов Украины, но немцы продвигались так быстро, что Днепропетровский металлургический завод им. Петровского и другие заводы пришлось вывозить в условиях усиленных бомбардировок¹⁴⁵.

3 июля ЦК и Совет народных комиссаров УССР дали местным властям распоряжение готовить к эвакуации промышленные предприятия на правом берегу Днепра, но подготовка началась только 7 августа. Регион считался столь стратегически значимым, что целых 12 заместителей наркомов вылетели в Днепропетровск, чтобы взять под контроль эту масштабную операцию, а Совет по эвакуации приостановил призыв молодых рабочих металлургических заводов на фронт, чтобы они занимались демонтажом и погрузкой¹⁴⁶. Совет сосредоточился на Запорожье и Днепропетровске, крупнейших центрах тяжелой промышленности и в то же время западных воротах Донбасса, сердца угольной промышленности. В городах вдоль всего правого берега рабочие грузили тысячи вагонов тяжелым оборудованием, металлом, углем и железной рудой¹⁴⁷. Перевозка прокатных станов, трансформаторов и генераторов, весивших до 150 тонн каждый, требовала специальной техники и усиленных платформ. Поскольку на железных дорогах такая техника присутствовала в ограниченных количествах, рабочие начали приспособливать обычные платформы, увеличивая их тоннаж, и использовать в качестве транспортеров полувагоны для перевозки угля, прицепленные к локомотивам¹⁴⁸. В середине августа Совет по эвакуации распорядился, чтобы металлургические заводы на левом берегу переходили в режим погрузки, не прекращая производства, продолжавшегося при частичном демонтаже¹⁴⁹. Эвакуация левого берега произошла так быстро, что Совет полностью расписал направления, отправив вагоны на восток к Волге¹⁵⁰.

¹⁴³ Там же. Д. 550. Л. 21. О Гомеле см.: Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 62–63.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 19–21, 27–33.

¹⁴⁵ Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 65.

¹⁴⁶ Там же. С. 64; ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 409. Л. 18; Д. 469. Л. 3; Д. 511. Л. 13; Д. 550. Л. 60.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 511. Л. 17.

¹⁴⁸ Куманев Г. А. Война и эвакуация. С. 13; Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелоном. С. 211.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 511. Л. 13; Д. 550. Л. 61.

¹⁵⁰ Там же. Д. 550. Л. 61–62.

В Запорожье эвакуация началась с авиационного завода № 29¹⁵¹. 17 августа, всего за день до приближения немцев к западной окраине города, Совет по эвакуации распорядился о вывозе крупных металлургических предприятий, включая «Запорожсталь» и «Днепроспецсталь», из его левобережной части¹⁵². При отступлении Красная армия взорвала гидроэлектростанцию и крупный трехарочный железнодорожный мост через Днепр, спровоцировав масштабное наводнение. Директор завода приостановил погрузку и отказался продолжать отправку вагонов. Заместитель наркома путей сообщения пришел в бешенство и заявил, что ценная техника и металл по-прежнему не вывезены из-за слабоволия директора, потерявшего присутствие духа. Через два дня, чтобы закончить погрузку, вмешались железнодорожные рабочие¹⁵³. На протяжении следующих пяти дней среди наводнения и бомбежек они погрузили и отправили большую часть заводского оборудования в Омск¹⁵⁴.

23 августа немцы начали операцию, направленную на захват Киева и областей к востоку от Днепра. Если бы они заняли Сталинскую (ныне Донецкую) область, центр добычи угля в Донбассе, они заполучили бы огромные ресурсы топлива. Погребной, уполномоченный Совета по эвакуации в Киеве, вспоминал:

Обстановка была здесь исключительно тяжелой. С утра до ночи Киев бомбили. Все торопились с эвакуацией. Однако рабочие в столь напряженной обстановке проявляли беспримерный героизм и сумели вывезти из Киева все основное оборудование, сырье и материалы¹⁵⁵.

В сентябре, когда битва за Киев еще длилась, а Красная армия отчаянно обороняла левобережную часть Запорожья, рабочие продолжали погрузку металлургических заводов. Со всего Донбасса в Запорожье на помощь устремились рабочие, мобилизованные партией¹⁵⁶. А. Г. Шереметьев, заместитель наркома черной металлургии, рассказывал:

С правого берега гитлеровцы просматривали заводы. Враг видел, как увозят оборудование запорожских предприятий, бомбил и ежедневно обстреливал территории заводов артиллерийским и минометным огнем. Ежедневно были ранение и убитые. Но люди работали, спешили¹⁵⁷.

На левом берегу рабочие уходили с заводов, когда начинался обстрел, а затем возвращались и продолжали работу¹⁵⁸. К 3 октября Красная армия больше не могла удерживать восточную часть города. Но погрузка была окончена. Рабочие шутили, что они только не успели подмести пустые цеха¹⁵⁹. Однако уборку они оставили немцам. Когда вермахт занял левый берег, металлургические заводы были уже спасены.

¹⁵¹ Там же. Д. 511. Л. 36.

¹⁵² Там же. Д. 550. Л. 68–71.

¹⁵³ Там же. Д. 511. Л. 28.

¹⁵⁴ Там же. Д. 550. Л. 73.

¹⁵⁵ Погребной Л. И. О деятельности. С. 205.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 468. Л. 2.

¹⁵⁷ Цит. по: Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогонов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 66; Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 17.

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 90.

¹⁵⁹ Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогонов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 66.

За Днепром: эвакуация угольной промышленности

25 августа немцы захватили Днепропетровск, 3 сентября – Конотоп. Красная армия по-прежнему удерживала длинную полосу земли – клин, верхушкой которого был Киев, зажатый между Днепропетровском на юге и Конотопом на севере. Немцы решили взять этот участок в клещи, но Сталин не хотел давать приказ об отступлении. Из-за того, что войска не отошли назад, в окружение попало около 655 000 солдат – рекордное количество пленных за всю историю. Пять советских армий были фактически уничтожены, а Юго-Западный фронт требовалось восстанавливать почти с нуля. 19 сентября немцы оккупировали Киев. Позднее Хрущев приписывал эти ужасающие потери упрямству Сталина, но некоторые военные стратеги полагали, что упорная оборона Киева вынудила Гитлера отозвать войска с Центрального фронта, что позволило Красной армии спасти Москву и удерживать Запорожье достаточно долго, чтобы оттуда вывезли металлургические предприятия¹⁶⁰. Однако все согласны, что потеря Киева была страшным ударом, открывшим немцам путь к Сталинской области и угольным шахтам Донбасса. Угледобывающее оборудование и сырье можно было эвакуировать, но в случае оккупации шахты следовало затопить, засыпать обломками или взорвать¹⁶¹.

К частичной эвакуации Сталинской области Совет по эвакуации приступил 26 августа¹⁶². Особенно сложным вопросом был демонтаж крупных электростанций. Демонтаж электрооборудования и взрыв дамбы сразу вывели бы из строя всю промышленность региона. Для принятия правильного решения требовалась почти провидческая способность предугадать положение дел на фронте. Если бы демонтаж осуществили слишком рано, он стоил бы государству остро необходимой оборонной продукции, если бы слишком поздно – электростанции достались бы врагу. Чтобы решить этот вопрос, нужно было невероятное хладнокровие. Большинство электростанций, в том числе в Киеве, Одессе и Сталине, демонтировали в последние дни или даже часы перед отступлением Красной армии. В Днепропетровске местные власти успели вывезти лишь отдельные части турбин, после чего взорвали дамбу, а в Запорожье дамба была взорвана, когда рабочие еще не окончили погрузку¹⁶³.

Ухудшение ситуации на фронте побудило Наркомуголь готовить оборудование к эвакуации и демонтировать шахты¹⁶⁴. 13 сентября М. Горшков, заместитель наркома угольной промышленности, известил Совет по эвакуации, что наркомат разослал всем промышленным предприятиям и машиностроительным заводам указание разобрать оборудование и вывести из строя всю технику, которую нельзя спасти. Если оборудование не вывозили, его ломали, закапывали или сбрасывали в шахту. Сами шахты затапливали или взрывали; машинные цеха, газовые турбины и электростанции следовало сжечь или взорвать¹⁶⁵. 25 сентября В. В. Вахрушев, нарком угольной промышленности, представил Совету по эвакуации план вывоза предприятий, горно-шахтного оборудования и угля из Сталинской области, включая комбинат «Сталинуголь». 1 октября работу всей горнодобывающей промышленности, за исключением 47 шахт, поставляющих каменноугольный кокс и газовый уголь для металлургических заводов, было решено прекратить. Рабочих «Сталинугля» предписывалось эвакуировать вместе с семьями, эвакуированные предприятия – распределить между 16 уже существующими на востоке руд-

¹⁶⁰ *Stahel D., House J.* When Titans Clash: How the Red Army Stopped Hitler. Lawrence: University Press of Kansas, 1995. P. 76–77; *Stahel D.* Kiev 1941: Hitler's Battle for Supremacy in the East. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 7–8, 173, 348–349, 351.

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 264. Л. 26, 47–46, 50, 54.

¹⁶² Там же. Д. 550. Л. 90, 91.

¹⁶³ *Куманев Г. А.* Война и эвакуация. С. 15.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Л. 264. Л. 60, 134–133.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Л. 264. Л. 99–95.

никами¹⁶⁶. В тот же день Совет по эвакуации отдал распоряжение о демонтаже электростанций¹⁶⁷. Эвакуацию Донбасса планировалось проводить 11–17 октября, но вермахт быстро приближался, а Наркомат путей сообщения не успевал вовремя доставить необходимое количество пассажирских и товарных вагонов¹⁶⁸. Поздним вечером 6 октября один из представителей военного командования сообщил, что для эвакуации Сталинской области не хватает вагонов. Ежедневно рабочие грузили по 500 товарных вагонов как на Южно-Донецкой, так и на Северо-Донецкой железной дороге, но и такими темпами эвакуация области заняла бы 100 дней¹⁶⁹.

Поскольку немцы стремительно наступали, 9 октября ГКО одобрил уничтожение всего оставшегося оборудования. Совет по эвакуации немедленно направил всем директорам угольных предприятий приказ затопить шахты и взорвать основные штольни. Все наземное оборудование и установки, цветные металлы, электрическое оборудование, водопроводные трубы и краны, смазку, масло и вентиляторы надлежало сжечь или уничтожить. Партийные работники, местная администрация, руководители предприятий и рабочие погрузили все, что смогли, а остальное сожгли, сломали или взорвали и бросили в залежи угольной пыли или в ямы, которые затем затопили и засыпали. Нефтепродукты либо отправляли на фронт, либо сжигали, либо выливали¹⁷⁰. 8 октября немцы взяли Мариуполь и достигли Азовского моря, откуда уже было недалеко до кавказских нефтяных месторождений. На следующий день Отто Дитрих, пресс-секретарь Гитлера, хвастливо заявил иностранным журналистам: «Советская Россия повержена!»¹⁷¹

После падения Мариуполя вермахт направился на восток вдоль северного берега Азовского моря в Ростовскую область, где располагались крупнейшие промышленные центры – Таганрог и Ростов-на-Дону – и угольные месторождения российской части Донбасса. Оттуда открывалась дорога к Краснодарскому краю, а дальше – к нефтяным месторождениям Кавказа. 17 октября немцы заняли Таганрог, но упорная битва за Ростов длилась с конца сентября до середины ноября. Наркомуголь планировал эвакуировать Ростовскую область 11 октября, но в ней все еще оставались действующие шахты, машиностроительные заводы, горно-обогатительные комбинаты, две электростанции и другие предприятия, на которых было занято 40 000 рабочих¹⁷². Осенние ливни замедлили наступление немцев, и они достигли окраин Ростова только в середине ноября¹⁷³. 21 ноября немцы заняли город, но не смогли его удержать. Всего лишь через неделю Красная армия, на помощь которой пришли партизаны и ополчение, выбила немцев из Ростова. Это было первое освобождение крупного населенного пункта¹⁷⁴.

К декабрю эвакуация промышленности начала затухать. Погребной впоследствии заметил:

В этой сложной обстановке были у нас и ошибки, и промахи. Они проистекали прежде всего от того, что мы не имели опыта такой работы в военных условиях. Например, вначале промышленность из одной части Украины мы эвакуировали в другую часть... Так, опоздали эвакуировать машиностроительный завод «Красная звезда» из Кировограда,

¹⁶⁶ Там же. Л. 95–71.

¹⁶⁷ Там же. Д. 550. Л. 91.

¹⁶⁸ Там же. Д. 438. Л. 140, 147.

¹⁶⁹ Записка была адресована комбригу Главного управления тыла Красной армии: ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 438. Л. 154.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 264. Л. 142–136; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 18. Л. 140–142.

¹⁷¹ URL: <http://www.history.com/this-day-in-history/germans-overrun-mariupol-in-southern-russia> (неработающая ссылка).

¹⁷² ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 383. Л. 5–6.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.

¹⁷⁴ Hill A. The Red Army and the Second World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 264.

ряд металлургических заводов Донецкой области, что привело к большим потерям¹⁷⁵.

Тем не менее Совету по эвакуации удалось спасти важнейшие предприятия тяжелой и оборонной промышленности¹⁷⁶. Металлургические и химические заводы, пищевые комбинаты, предприятия легкой промышленности и текстильные фабрики, электростанции, горно-шахтное оборудование, тысячи тонн угля, сырья, прокатной и легированной стали были отправлены на восток. Нацисты, надеявшиеся прибрать к рукам мощную промышленную базу региона, обнаружили на ее месте затопленные шахты, взорванные мосты и куски искореженного металла.

¹⁷⁵ Погребной Л. И. О деятельности. С. 206. Воспоминания Погребного были изданы как раз после хрущевской кампании по десталинизации, когда переименовали города и области, названные в честь Сталина. Город Сталино стал Донецком.

¹⁷⁶ Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 83–84.

Люди: эвакуация по категориям

Совет по эвакуации ставил перед собой задачу эвакуации не столько отдельных людей, сколько профессиональных и социальных групп. Не предполагалось, что человек будет «эвакуироваться» сам по себе, но и оставаться на оккупированной территории никому не следовало. Так как в поездах не всем хватало места, многие бежали в одиночку, с товарищами или с родными. Однако государство различало «эвакуированных», вывезенных специально организованными эшелонами, и «беженцев», покидавших дома по собственной инициативе. Эвакуированные получали на новом месте жилье, работу и продовольственные карточки. Беженцы же, прежде чем встать на учет для получения карточек, должны были найти работу и жилье¹⁷⁷. В эвакуопунктах, учрежденных для помощи обеим группам, быстро скопились целые толпы. Среди хаоса и движения множества людей различие между двумя группами стерлось.

Сразу же после начала войны Совет по эвакуации приступил к вывозу детей с опасных территорий. Затем в первую же неделю последовало распоряжение более общего характера – об эвакуации из прифронтовой полосы всех людей: семей партийных и ответственных работников, а также военных; рабочих и служащих промышленных предприятий вместе с семьями¹⁷⁸. Но линия фронта смещалась так быстро, что выполнить это распоряжение оказалось невозможно, и многие либо решили остаться, либо застряли в прифронтовой зоне. Нередко детей отправляли в ближние регионы, в скором времени превращавшиеся в поле боя¹⁷⁹. Постепенно Совет по эвакуации начал четче дифференцировать группы: рабочие и служащие конкретных заводов, учреждений и организаций, учащиеся ремесленных училищ, пациенты психиатрических клиник, сироты. Совет никогда не ставил перед собой задачи отдельно эвакуировать некоторые группы населения: пожилых людей, крестьян (кроме сопровождавших эвакуированный скот) или рабочих мелких сельских предприятий, – рассматривая их лишь как часть более обширной категории людей, живущих в прифронтовой зоне. Пожилых чаще всего эвакуировали как членов семей представителей той или иной профессии. Сотрудники вывозимых предприятий и учреждений должны были эвакуироваться в обязательном порядке, но их родственники, тоже получавшие билеты на поезд, могли остаться.

Сейчас, оглядываясь назад, мы знаем, какие роковые последствия имело то, что Совет не эвакуировал людей по национальному признаку. Ни советское руководство, ни рядовые граждане не могли предвидеть, что нацисты собираются массово истреблять евреев и цыган, а с оккупированных территорий поначалу поступали лишь обрывочные и разношерстные сведения¹⁸⁰. В августе 1941 года партийное руководство Белоруссии и Украины сообщило в Москву о массовых убийствах еврейского населения, а летом и осенью 1942 года партизаны начали докладывать об актах целенаправленного уничтожения¹⁸¹. Однако эти первые сообщения касались происходящего в конкретной местности, а к 1942 году покинуть оккупированную территорию было невозможно. Масштабы Холокоста стали ясны лишь в 1943 году, когда Красная армия начала возвращать оккупированные земли. Писатель и военный корреспондент Василий Гроссман оставил семью в Бердичеве, маленьком городе в Украине со значительным количе-

¹⁷⁷ О разнице между эвакуированными и беженцами см. Главу 2 наст. изд., а также: *Manley R.* To the Tashkent Station. P. 1, 8, 18–21.

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 15.

¹⁷⁹ Там же. Д. 409. Л. 9.

¹⁸⁰ О национальной принадлежности и эвакуации см.: *Потемкина М. Н.* Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2002. № 3. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/JOURNAL/RUHIST/EVAC.HTM> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁸¹ *Berkhoff K.* Motherland in Danger: Propaganda during World War II. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. P. 135–165.

ством еврейского населения. Около трети бердичевских евреев, включая беженцев из Польши, смогли эвакуироваться или бежать, но тех, кто остался, умертвили в ходе массовых казней, устраиваемых нацистами с августа 1941-го по июнь 1942 года. Когда в январе 1944 года Бердичев освободили, Гроссман приехал в город и узнал, что его мать погибла 15 сентября 1941 года, став жертвой массового убийства. После войны он написал ей посмертное письмо:

Дорогая мамочка... <...> Ночью, на фронте я видел сон – вошел в комнату, ясно зная, что это твоя комната, и увидел пустое кресло, ясно зная, что ты в нем спала: свешивался с кресла платок, которым ты прикрывала ноги. Я смотрел на это пустое кресло долго, а когда проснулся, знал, что тебя уже нет на земле. Но я не знал, какой ужасной смертью умерла ты¹⁸².

Кошмарные предчувствия преследовали не одного Гроссмана. Многих советских людей, призванных в армию, эвакуированных вместе с предприятиями или по каким-то другим причинам разлученных с семьей, терзала неизвестность о судьбе родных и близких. Из 6 миллионов евреев, уничтоженных нацистами, 2 миллиона было убито на советской земле. Айнзацгруппы покрыли оккупированные территории расстрельными ямами, где могло быть от нескольких сот до десятков тысяч человек. В одной только Белоруссии нацисты сожгли дотла более 600 деревень вместе с жителями, обвиненными в помощи партизанам¹⁸³.

Эвакуация людей началась с Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, а также Карелии и происходила среди бомбежек и сражений, часто перекрывавших дороги и железнодорожные пути. Организовано эвакуировать удалось немногих, и людей отправляли обычно военные советы, а не Совет по эвакуации. Например, в Литве государству удалось эвакуировать всего 42 500 человек; большую часть еврейского населения немцы позже согнали в гетто и в конце концов умертвили. В Белоруссии, где враг продвигался медленнее, спасли более миллиона людей – приблизительно шестую часть населения. Массовые эвакуации из Москвы, Ленинграда, Украины и западной части России, происходившие позднее, оказались успешнее. Эвакуированных чаще всего отправляли в Поволжье или дальше на восток – на Урал, в Сибирь и в Центральную Азию, где они устраивались работать на заводы, железные дороги, в столовые, колхозы и совхозы¹⁸⁴.

Помимо прифронтовых зон, Совет по эвакуации принял решение о немедленной эвакуации населения Москвы и Ленинграда. Сотрудники государственных органов, посольств, а также ведущих учреждений культуры Москвы, в том числе Большого театра, были вывезены в Куйбышев. К концу июня Совет по эвакуации отправил на восток тысячи работников промышленных наркоматов, ученых, врачей и деятелей культуры, уехавших со своими учреждениями¹⁸⁵. В июле была эвакуирована из Москвы Академия наук, за ней последовали наркоматы обороны и военно-морского флота, московские научные и медицинские институты, Государственный гидрологический институт и Главная геофизическая обсерватория в Ленинграде, советское информбюро ТАСС, театры и другие учреждения¹⁸⁶. В порядке «уплотнения» эвакуируемых временно вселяли к местным жителям, поэтому ощущался острый дефицит жилищно-

¹⁸² Губер Ф. Память и письма // Даугава. 1990. № 11. С. 119.

¹⁸³ Об истреблении евреев см.: Эренбург И., Гроссман В. Черная книга. М.: Corpus, 2019; о партизанской войне см.: Tec N. Defiance: The Bielski Partisans. New York: Oxford University Press, 1993; Walke A. Partisans and Pioneers: An Oral History of Nazi Genocide in Belorussia. New York: Oxford University Press, 2015; Slepian K. Stalin's Guerrillas: Soviet Partisans in World War II. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. О сожжении деревень см. сильный фильм Элема Климова «Иди и смотри».

¹⁸⁴ Белоусов И. И. Эвакуация населения. С. 17–21, 28. Поволжье включало в себя Горьковскую, Пензенскую, Куйбышевскую, Сталинградскую и Саратовскую области, а также автономные республики Татария и Чувашия. Более восточные направления охватывали Кировскую, Чкаловскую, Молотовскую, Свердловскую, Челябинскую, Омскую и Новосибирскую области, автономные республики Удмуртию и Башкирию, Алтайский край, среднеазиатские республики Казахстан и Узбекистан.

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 11–12, 20–21; Д. 510. Л. 10–9; Д. 43. Л. 49–25.

¹⁸⁶ Там же. Д. 550. Л. 23, 30–31, 37–38, 44.

щади, доставлявший немало неудобств как гостям, так и хозяевам¹⁸⁷. Хотя эвакуированные из Москвы и Ленинграда сохраняли все привилегии, связанные с продовольственными нормами, по меньшей мере один желчный академик отказался уезжать вместе с Академией наук, заявив, что лучше погибнуть от фашистских бомб, чем умирать медленной смертью в Казани¹⁸⁸.

В течение трех недель с начала войны из Москвы, Ленинграда и прифронтовых зон было эвакуировано почти 1,8 миллиона человек. Более 80 % из 900 000 эвакуированных из Москвы и 341 000 из Ленинграда к середине июля составляли дети¹⁸⁹. Ленинградские заводы по-прежнему в ускоренном темпе производили оружие, поэтому детей заводских рабочих часто отправляли отдельными группами – родители должны были присоединиться к ним позднее¹⁹⁰. Эвакуировали из обеих столиц и другие уязвимые группы, в том числе около 2000 пациентов и сотрудников ленинградских психиатрических клиник. Ради предосторожности 12 августа вывезли и хищных зверей из Московского зоопарка¹⁹¹.

Повсюду эвакуация была сопряжена с риском и смертельной опасностью. В Шостке, городе в Сумской области на северо-востоке Украины, эвакуация происходила менее чем за неделю до 27 августа, когда город заняли немцы. Люди толпились на станции, но при отходе последних поездов немцы начали бомбить железнодорожные пути. Сотни людей были убиты или ранены, выжившие бросились врассыпную с места аварии. Некоторые добежали до ближайших сел, другие продолжали пешком идти на восток. Немцы бомбили и станцию. Группа рабочих с семьями, ожидавшая в проулке рядом со складом боеприпасов, в ужасе с криком разбежалась, когда немцы начали бомбить склад, что привело к масштабным взрывам. В конце концов местной администрации и железнодорожным работникам удалось положить конец панике и посадить всю группу на поезд¹⁹².

К концу декабря наступление немцев на Южном фронте замедлилось, а на Северном и Центральном приостановилось. Большинство ключевых предприятий и миллионы людей были эвакуированы. Обращения наркоматов в Совет по эвакуации с просьбой предоставить вагоны стали единичными. Совет по эвакуации направил усилия на спасение умирающих от голода ленинградцев, снаряжая за ними особые эшелоны. В середине декабря из темного, замерзшего города по льду Ладожского озера на телегах вывезли 10 000 работников текстильной фабрики, отправив их затем поездом в Бабаево, расположенное в 240 километрах к юго-востоку от Ленинграда. Совет по эвакуации телеграфировал своему уполномоченному в Бабаево: «Срочно сообщите, сколько и куда (на какие заводы) взрослых рабочих и учеников ремесленных училищ и школ ФЗО направлено из Ленинграда за период Вашей работы тчк В дальнейшем такие сообщения делайте каждую декаду тчк Рабочих текстильных предприятий из Ленинграда направляйте в Ивановскую область тчк»¹⁹³. За несколькими короткими фразами на самом деле стояли события многих месяцев. В Иванове работников будут выхаживать, чтобы восстановить их подорванное здоровье; большинство поправится и вернется к работе для фронта. Эвакуация и трудовая мобилизация военных лет приведут к значительному приросту трудовых ресурсов на Урале, в Поволжье, Западной Сибири, Казахстане и Центральной Азии – для победы эвакуированные рабочие значили не меньше, чем спасенные ими машины¹⁹⁴.

¹⁸⁷ Там же. Л. 38–39. О жизни интеллигенции в Ташкенте см.: *Manley R. To the Tashkent Station*. P. 148–196. О реакции местных жителей Кирова см.: *Holmes L. War, Evacuation, and the Exercise of Power*. P. 40–58, 88–106.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 31–32; Д. 482. Л. 21.

¹⁸⁹ Там же. Д. 510. Л. 20, 18, 16, 28.

¹⁹⁰ Там же. Д. 409. Л. 169; Д. 550. Л. 65; Д. 510. Л. 30–29.

¹⁹¹ Там же. Д. 550. Л. 57.

¹⁹² ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 33–31.

¹⁹³ Там же. Д. 482. Л. 16.

¹⁹⁴ О показателях прироста на конкретных территориях см.: *Белоусов И. И. Эвакуация населения*. С. 30, а также Таблица 2.1.

Помимо эвакуированных и беженцев, на восток отправляли социальные и национальные группы, заподозренные государством в склонности к коллаборационизму и подвергшиеся массовой депортации. В 1937–1938 годах среди некоторых из этих групп происходили массовые аресты и расстрелы. Многие коммунисты бежали от репрессий у себя на родине, но в СССР их ждал расстрел по обвинению в «шпионаже». С 1939 года государство развернуло новую кампанию арестов, направленную против «неблагонадежных элементов» с недавно присоединенных территорий Восточной Польши (переименованной в Западную Украину) и стран Прибалтики. Около 383 000 людей разных национальностей с этих территорий были отправлены в «спецпоселения», куда ранее, в начале 1930-х годов, ссылали кулаков и всех, кто противился коллективизации¹⁹⁵. Когда Советский Союз установил дипломатические отношения с польским правительством в изгнании, находившимся в Лондоне, арестованные прежде поляки были амнистированы и получили статус «польских граждан».

После вторжения Германии в тылу началась новая волна «профилактических чисток». После Октябрьской революции советское руководство создало Автономную Социалистическую Советскую Республику Немцев Поволжья, где проживали в основном этнические немцы – крестьяне, чьи предки поселились на этой территории еще в XVIII веке. Опасаясь, что советские граждане немецкого происхождения будут сотрудничать с фашистами, с августа по октябрь советское руководство издало ряд постановлений о депортации около 800 000 этнических немцев в Казахстан и Сибирь, где они превратились в спецпоселенцев. В конце ноября 1941 года НКВД провел массовую проверку населения Москвы и выявил около 7400 «антисоветских и социально опасных элементов», известив Совет по эвакуации, что этих людей следует немедленно эвакуировать, чтобы «очистить» город. Большинство из них составляли те, кто проживал в столице без работы или прописки, включая многих беженцев, осевших в эвакуационных пунктах, потому что больше им было некуда идти. В декабре Совет по эвакуации распорядился об отправке таких беженцев, преступников, бродяг и других людей без прописки в Мордовскую АССР и Горьковскую область, где они должны были получить крышу над головой и работу¹⁹⁶. В отличие от массовых высылки 1937–1938 годов, за которыми следовали заключение или расстрел, группы, депортированные из Москвы в 1941 году, отправляли на работу, как миллионы других эвакуированных и беженцев. Категория «бродяг», в начале 1930-х годов используемая государством для контроля над перемещением населения в города, а в 1937–1938 годах – в ходе массовых репрессий, утратила смысл в ситуации, когда в подвешенном состоянии оказалось множество бездомных людей.

¹⁹⁵ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций. М.: ОГИ; Мемориал, 2001. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/znagi/polian/polian.html> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 482. Л. 2, 1.

Москва: эвакуация в двадцать четыре часа

В начале октября немцы приступили к операции «Тайфун» – стратегическому наступлению, целью которого было взятие Москвы. Советское командование окружило город несколькими линиями тщательно возведенных укреплений, но при приближении немцев ГКО 10 октября принял решение эвакуировать металлургическую и оборонную промышленность, и партийные активисты проводили собрания, готовя рабочих к эвакуации. В Москве объявили военное положение¹⁹⁷. Положение продолжало ухудшаться, и менее чем через неделю советское руководство приняло экстренное решение об эвакуации населения, заводов, правительственных, общественных учреждений и учреждений культуры в двадцать четыре часа. Днем 16 октября Н. Ф. Дубровина и Г. В. Ковалева, заместителей наркома путей сообщения, вызвали в Кремль. Когда они вошли в приемную, Дубровин заметил, что в ней собрались наркомы, руководители различных организаций и ведомств. Все сидели молча, размышляя о высокой вероятности взятия Москвы немцами. Сталин, Вознесенский, Шверник, Косыгин, Микоян и Ворошилов, руководившие страной в военные годы, не говоря ни слова, вышли в боковую дверь, предоставив Молотову выступать перед собравшимися. Молотов говорил прямо, и его инструкции были лаконичны. Положение тяжелое: враг на подступах к столице. Присутствующим руководителям предстоит организовать эвакуацию своих учреждений, которая начнется незамедлительно и будет продолжаться всю ночь. Все документы необходимо уничтожить. Каждый наркомат оставит одного заместителя наркома и небольшое количество сотрудников, чтобы поддерживать контакт с эвакуированными предприятиями¹⁹⁸. По словам Дубровина, утверждалось, что Москву не сдадут, но, чтобы избежать жертв, большую часть населения необходимо эвакуировать. В следующие полчаса Косыгин лично обсудил с каждым руководителем место и время отправки, а также пункт назначения его предприятия, организации или учреждения. Было выработано расписание поездов. Как вспоминал тот же Дубровин, к 9 часам утра 17 октября из Москвы планировали вывезти всё и вся¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией. С. 74–75; Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелонам. С. 112. Ковалев также отвечал за перевозки по железнодорожным путям. См. также: Braithwaite R. Moscow 1941: A City and Its People. New York: Alfred A. Knopf, 2006. P. 219–234.

¹⁹⁸ Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелонам. С. 212.

¹⁹⁹ Дубровин Н. Ф. Эшелон за эшелонам. С. 212–213.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.